

В. А. Томсинов
Андрей Януарьевич Вышинский
(1883 – 1954):
государственный деятель и правовед
Часть 8
Опубликовано:

Журнал «Законодательство». 2019. № 12. С. 79-87.
2020. № 1. С. 86–94. № 2. С. 85–94. № 3. С. 85–94.

1

После ареста Евгения Брониславовича Пашуканиса, случившегося 20 января 1937 года, критика его воззрений на право со стороны советских правоведов приобрела характер прямых политических обвинений. Предельно резко – в стиле прокурора СССР А.Я. Вышинского – выступил против Пашуканиса профессор-цивилист Г.Н. Амфитеатров¹. В докладе «О состоянии теоретической работы по советскому гражданскому праву», прочитанном во Всесоюзном институте юридических наук в апреле 1937 года, Георгий Никитич раскритиковал предложенную Пашуканисом в 1924 году меновую концепцию права, которая связывала сущность права с отношениями товарного обмена, а также вытекавшие из нее характеристики советского права как права буржуазного и несовместимого с социалистическими отношениями. Он отверг вывод об отмирании права при социализме и соответствующий ему «тезис об отсутствии системы в советском праве и невозможности ее существования»².

¹ В 1942–1944 гг. Георгий Никитич Амфитеатров являлся заведующим кафедрой гражданского права и гражданского процесса юридического факультета Московского государственного университета, а в 1943–1944 гг. исполнял еще и должность декана юридического факультета.

² Амфитеатров Г.Н. О состоянии теоретической работы по советскому гражданскому праву / Проблемы социалистического права. Сб. 1. М., 1937. С. 35.

Представленная Амфитеатровым общая оценка меновой концепции права была похожа на обвинительное заключение прокурора. «Концепция Пашуканиса, — утверждал он, — является в теории права и юридической практике выражением и обоснованием неверия в возможность построения социализма, то есть эта концепция является соединением и переплетением контрреволюционного троцкизма с типичными установками о несовместимости социализма с существованием государственного принуждения, с существованием государства и права. Теперь ясно, что концепция Пашуканиса была не только системой враждебных социализму установок и взглядов. Она была вредительской концепцией, направленной на ликвидацию марксистско-ленинской науки права и на подрыв той активнотворческой революционной роли, какую осуществляет наше социалистическое право в условиях существования государства рабочих и крестьян»³.

Признание ошибок в трактовке советского права, сделанное Пашуканисом в докладе на расширенном заседании Бюро Института советского строительства и права 10 ноября 1930 года, носило, по мнению Г.Н. Амфитеатрова, «декларативный характер», оно было «маскировкой в интересах спасения своей концепции»⁴. Не ограничиваясь данной оценкой, вполне допустимой в научной критике, Георгий Никитич добавил к ней убийственную с учетом атмосферы советского общества 1937 года политическую инвективу. «Не приходится удивляться, — возмущенно заявил он, — что в результате такой “самокритики” вся последующая теоретическая, с позволения сказать, деятельность Пашуканиса — это непрерывная цепь антипартийных извращений и классово враждебных установок»⁵.

Разоблачая Пашуканиса как врага народа, Амфитеатров стремился показать, что Евгений Брониславович никогда не отказывался от представления о «гражданско-правовых отношениях как об отмирающих частнособственнических отношениях», и от тезиса о том, что «наше гражданское право — это остатки буржуазного

³ Там же.

⁴ Там же. С. 37.

⁵ Там же.

права, которые обречены на отмирание»⁶, что он всего лишь приспособлялся к требованиям новой правовой идеологии, которая стала утверждаться в конце 1920-х годов. Чтобы соответствовать ей, надо было признать особое качество советского гражданского права, а в природе самих реально существующих гражданско-правовых отношений Пашуканис это качество не видел, поэтому ему пришлось переместить право в верхний этаж правовой надстройки и односторонне свести его к «системе целесообразных мер, проводимых государством в той или иной области»⁷. Это позволило Пашуканису стать на позиции формального признания социалистического характера советского права и в то же время избавило его от необходимости заниматься анализом и оценкой самих правовых отношений, чего он не желал делать, ибо считал эти отношения буржуазными. «Таким образом, — констатировал Амфитеатров, — право как форма политики в интерпретации Пашуканиса представляет собой такую концепцию, в которой живой человек превращается из субъекта правоотношения в объект правового регулирования. Налицо типичная троцкистская установка»⁸.

Газета «Правда» опубликовала 9 апреля 1937 года статью прокурора СССР «Против антимарксистских теорий права»⁹, которая фактически представляла собой предварительный и сокращенный вариант критической статьи «К положению на фронте правовой

⁶ Там же.

⁷ Критикуя стремление Е.Б. Пашуканиса свести советское право к роли инструмента политики пролетарского государства, Амфитеатров ссылаясь на его доклад на первом Всесоюзном съезде марксистов-государственников. Евгений Брониславович утверждал в нем: «Право есть форма политики господствующего класса, которая проводится через аппарат государственной власти. А это в особенности нельзя забывать при анализе проблем советского права, так как в период диктатуры пролетариата активно-сознательное воздействие со стороны государства приобретает решающее значение. Нормативно-идеологическое понимание права для нас также неприменимо, как и экономический материализм, отрицающий активное воздействие надстроек на базис» (*Пашуканис Е.Б. Основные проблемы марксистской теории права и государства // Советское государство и революция права. 1931. № 1. С. 23*).

⁸ *Амфитеатров Г.Н. О состоянии теоретической работы по советскому гражданскому праву. С. 37.*

⁹ *Вышинский А.Я. Против антимарксистских теорий права // Правда. 1937. № 98 (7064). 9 апреля. С. 2–3.*

теории», опубликованной в мае того же года¹⁰. Таким образом, выступая в апреле 1937 года с докладом «О состоянии теоретической работы по советскому гражданскому праву», Г.Н. Амфитеатров был уже знаком с мнением Вышинского о взглядах Пашуканиса и в своем докладе неоднократно ссылаясь на статью «Против антимарксистских теорий права». Между тем в ней содержалась критика «двухсекторной теории права», противопоставлявшей гражданское право хозяйственно-административному праву, которая поначалу им вполне разделялась. В 1930 году Амфитеатров писал: «В системе советского гражданского права оформляются и должны быть выделены в самостоятельную отрасль правоотношения, регулируемые в порядке подчинения и плановости. Эти отношения составляют уже так называемое хозяйственно-административное право, отличное от гражданского»¹¹.

Вышинский же в упомянутой статье газеты «Правда» утверждал: «Особенно поучительны плоды ликвидаторской политики Пашуканиса и иже с ним, как это мы уже видели выше, в области гражданского права. Само это название исчезло за последние годы из правовой литературы, из учебных пособий, из учебных программ и планов. Гражданское право было заменено так называемым хозяйственным правом»¹². В качестве примера такой трансформации гражданско-правовой науки он привел двухтомный «Курс советского хозяйственного права», изданный в 1935 году под редакцией Л.Я. Гинцбурга, М.Н. Доценко и Е.Б. Пашуканиса. Одним из его авторов являлся и Г.Н. Амфитеатров. По мнению Вышинского, составители этого курса, «ограничили сферу своего предмета исключительно рамками отношений внутри обобществленного советского хозяйства. И в этих пределах они подменили плохо переваренными экономическими рассуждениями какой-либо анализ правовых форм»¹³.

¹⁰ *Вышинский А.Я.* К положению на фронте правовой теории // Социалистическая законность. 1937. № 5. С. 30–37.

¹¹ *Амфитеатров Г.Н.* Основные начала гражданского законодательства и борьба за марксистскую методологию // Советское государство и революция права. 1930. № 4. С. 74.

¹² *Вышинский А.Я.* Против антимарксистских теорий права. С. 3.

¹³ Там же.

Амфитеатров поддержал негативную оценку Вышинским того понимания сущности хозяйственного права, которое было представлено в указанном учебнике, и постарался убедительно объяснить, почему его собственная оценка данного понимания также стала критической: «Переместив центр тяжести на вопросы организационной структуры и системы управления народным хозяйством, авторы “Курса” низвели живого человека с его личными и имущественными правами до роли придатка к механизму хозяйственного управления»¹⁴.

Назвав оценку идеи хозяйственного права Вышинским «абсолютно справедливой и вполне заслуженной», Георгий Никитич процитировал в докладе его суровый политический вердикт: «Подмена гражданского права так называемым “хозяйственным” правом — ценная услуга врагам коммунизма, клеветникам, рассказывающим небывлицы о коммунизме, якобы подавляющем личность и не признающем никаких иных категорий, кроме как общество, хозяйство, производство»¹⁵. После этих слов Вышинский заявил: «Пашуканис и его школка делали с величайшей наглостью дело врагов социализма, пытающихся подорвать наше право — один из мощных рычагов диктатуры рабочего класса и советского государства»¹⁶. Но Амфитеатров не счел необходимым приводить и данные слова.

Процитированный Амфитеатровым вывод Вышинского о политическом смысле подмены гражданского права хозяйственным, Андрей Януарьевич повторил в статье «К положению на фронте правовой теории», опубликованной в майском номере журнала «Социалистическая законность» (1937. № 5. С. 37) и в брошюре с таким же названием, изданной в 1937 году (с. 18–19). А в статье «Положение на правовом фронте»¹⁷, напечатанной на основе доклада на

¹⁴ Амфитеатров Г.Н. Основные начала гражданского законодательства и борьба за марксистскую методологию. С. 43.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Вышинский А.Я. Против антимарксистских теорий права // Правда. 1937. № 98 (7064). 9 апреля. С. 3.

¹⁷ Вышинский А.Я. Положение на правовом фронте // Советское государство. 1937. № 3-4. С. 29-51.

партийном собрании работников прокуратуры СССР 3 мая 1937 года, он высказал к авторам названного «Курса советского хозяйственного права», и в том числе к Г.Н. Амфитеатрову, ряд других, значительно более серьезных не только с политической, но и с научной точки зрения претензий.

В шестой главе первого тома данного учебника «Собственность в советском праве» говорилось, что «общественная (социалистическая) собственность обосновывает прекращение капиталистической эксплуатации»¹⁸. Вышинский посчитал это утверждение нелепым. «Октябрьской революции, разгромившей вдребезги эксплуататоров, ликвидировавшей частную собственность на средства производства, на землю, на фабрики и заводы, банки и т.д. — ее вообще в этой книге нет, — заметил он. — Октябрьской революции и пролетарской диктатуры — нет, а есть просто общественная собственность, которая и обосновала прекращение капиталистической эксплуатации. Явная путаница»¹⁹.

Критическую оценку Вышинского получила и данная в учебном курсе трактовка гражданской правоспособности, предполагавшая, что «содержание правоспособности отдельных категорий граждан СССР различно в зависимости от их классовой принадлежности и от их места в системе социалистического хозяйства»²⁰. Вышинский назвал ее неправильной, сославшись на решения VII Всесоюзного съезда советов и Конституцию СССР 1936 года, провозгласивших равенство перед законом всех советских граждан.

Гнев Вышинского вызвало содержавшееся в третьей части «Курса советского хозяйственного права» утверждение о том, что субъект права в буржуазном праве — это «человек, лицо», а субъект права в социалистическом праве — это «хозрасчетное звено», «а также частное лицо». У авторов этой книги, заметил Вышинский, «человек» исчез. «По их мнению, советское право не знает “человека”, “лица”, если не

¹⁸ Курс советского хозяйственного права. Том 1 / Под ред. Л. Гинцбурга, Е. Пашуканиса. М., 1935. С. 159.

¹⁹ Вышинский А.Я. Положение на правовом фронте // Советское государство. 1937. № 3–4. С. 36.

²⁰ Курс советского хозяйственного права. Том 1. С. 160.

считать “частного лица”. Наоборот буржуазное право имеет дело с “человеком”, с “лицами”». У них среди частных лиц имеется центральная фигура. Это – «трудящийся-потребитель». «Почему потребитель, а не производитель?» – удивился Андрей Януарьевич. Но еще более нелепым ему показалось утверждение авторов «Курса», что частное лицо сохранит свое значение далеко за пределами второй пятилетки и после уничтожения классов, в течение всей первой фазы коммунистического общества – социализма.

«Если вспомнить, – продолжил свое рассуждение Вышинский, – что под частным лицом разумеется “трудящийся-потребитель”, то окажется, что “трудящийся-потребитель” сохранится лишь в течение определенного времени – в течение всей первой фазы коммунистического общества, а затем, очевидно, исчезнет, как исчез у наших авторов *человек*». Здесь Вышинский не выдержал и разразился возмущенным восклицанием: «Откуда такая галиматья? Человек ликвидирован, вместо человека осталось “хозрасчетное звено”, к нему прибавлен “трудящийся-потребитель”, т.е. какое-то “частное лицо”, которому суждено столько-то времени существовать, а затем исчезнуть!.. Что можно сказать о подобного рода чепухе, преподнесенной Пашуканисом и Гинцбургом под видом теории советского хозяйственного права?!»²¹

Указывая на «грубейшие», по его мнению, политические и теоретические ошибки «Курса советского хозяйственного права», Вышинский особо выделил теорию «расчленения государственной собственности на собственность Союза и собственность его органов», посчитав ее наиболее опасной для Советского государства.

Глава учебника, в которой эта теория излагалась, была написана Г.Н. Амфитеатовым. В ней утверждалось, что, по правилу, единый фронт государственной социалистической собственности расчленяется «на отдельные части, закрепленные как собственное имущество за множеством государственных хозрасчетных организаций – хозорганов» и что «в силу этого одно и то же имущество оказывается собственностью и государства и отдельного государственного органа, выступающего в своих хозяйственных

²¹ Вышинский А.Я. Положение на правовом фронте. С. 36.

взаимоотношениях с другими хозорганами и лицами в качестве самостоятельного субъекта права. Одно и то же имущество может принадлежать даже не двум, а большему числу “собственников”. Например, совхоз какого-либо промышленного предприятия может быть “собственностью” одновременно государства (СССР, если предприятие союзного значения), треста, в состав которого входит предприятие, предприятия (за ним также закрепляются и основные фонды и собственные оборотные средства) и ораса данного предприятия, переведенного на хозяйственный расчет»²².

Оценивая это утверждение, Вышинский не удержался, чтобы еще раз употребить слово «галиматья». «Как же можно не видеть, — возмутился он, — действительной природы наших трестов, орасов и т.п., вовсе не являющихся “собственниками” государственного имущества, а являющихся лишь доверенными Советского государства, его представителями, уполномоченными, отношение которых к вверенному их управлению государственной собственности определяется пределами данных им государством полномочий? Как же можно не понимать простой истины, что советская социалистическая государственная собственность — единая собственность, не расщепленная, не разделенная, принадлежащая целиком и полностью нашему государству? И для чего понадобилось изобретать подобного рода “хитрую механику” *расчленения* советской государственной собственности? Не для того ли, чтобы ослабить мощь государственной собственности, чтобы подготовить кое-какие умы к работе в пользу действительного расчленения нашей социалистической собственности? Ведь ясно, что чем больше собственников, претендующих на одну и ту же собственность, тем слабее и *условнее* сама собственность»²³.

Опасность доктрины расчленения социалистической собственности была для Вышинского очевидной с научной точки зрения, но он постарался показать это и с другой позиции, приведя весьма примечательный факт: «Немецкий фашистский юридический журнал “Zeitschrift für osteuropäisches Recht (Журнал восточно-

²² Курс советского хозяйственного права. Том 1. С. 181-182.

²³ Вышинский А.Я. Положение на правовом фронте. С. 37.

европейского права)“ в своем обзоре с похвалой отозвался об этом “Курсе”, специально посвятив похвалам добрых две страницы. Фашисты хвалят “Курс” за то, что в нем исчезла человеческая личность, ее инициатива»²⁴.

* * *

Обвинительно-политический стиль дискуссии по различным вопросам государства и права был характерной чертой советской юридической науки едва ли не всей сталинской эпохи. К середине 1930-х гг. он достиг своего предельного накала. Атмосфера гражданской войны распространилась на все сферы жизни советского общества, отравив и научную среду. В этой атмосфере, свойственной более революционному периоду, шло ускоренное формирование новой, **антиреволюционной** по сути правовой идеологии.

Парадоксальным являлось то, что она утверждалась в качестве господствующей такими же методами, какими насаждалась прежде идеология революционная. Но это было вполне объяснимо: новая правовая идеология приходила не на свободное место, а на то, которое было занято революционной правовой идеологией, сложившейся в Советской России в первой половине 1920-х годов. К началу 1930-х годов эта идеология укоренилась в среде советских правоведов настолько, что превратилась в настоящую идеологическую крепость, которую невозможно было взять без кровопролитного боя. Пашуканис и его сторонники были самыми стойкими защитниками этой цитадели, поэтому именно против них Вышинский направил основной удар.

Прокурор СССР был главным творцом новой, антиреволюционной правовой идеологии. Его доклады и статьи апреля и мая 1937 года имели программный характер. Их содержание не было случайным: оно выражало жизненно важные для Советского государства на новом этапе его развития правовые идеи и доктрины. В полной мере осознавая их политическое значение, Вышинский действовал в научной среде предельно бесцеремонно — так, будто вел войну. Названия его докладов и статей вполне соответствовало такого рода

²⁴ Там же.

действиям: «К положению на фронте правовой теории», «Положение на правовом фронте».

Впрочем, «фронтной стиль» научной дискуссии не был чужд и Е.Б. Пашуканису. Свой довольно объемный доклад на расширенном заседании Бюро Института советского строительства и права 10 ноября 1930 года Евгений Брониславович назвал «Положение на теоретическом правовом фронте»²⁵. Советские правоведы 1920-х и 1930-х годов могли сильно отличаться своими воззрениями на право, закон, советское право и законность, но в методах ведения научной дискуссии, в способах идеологической борьбы друг с другом были одинаково привержены **военизированному, обвинительно-политическому стилю**. Вышинский отличался от них лишь тем, что был более умным и эрудированным как ученый правовед и более хитрым и гибким как политик.

Во время революции и гражданской войны 1917–1920 годов, когда торжествовала революционная правовая идеология, Вышинский являлся — и по партийному статусу, и по мировоззрению — **меньшевиком**. А антиреволюционную правовую идеологию в середине 1930-х годов он утверждал в среде советских правоведов, действуя как **большевик революционного времени**. Несогласные с антиреволюционной правовой идеологией объявлялись им контрреволюционерами, врагами народа, вредителями.

Правоведы вынуждены были приспособливаться к новой правовой идеологии, отказываясь от прежних своих взглядов, которые ей противоречили. Но следует признать, что перемены в их воззрениях могли иметь и более объективные основания. К 1937 году в жизни советского общества, в его структуре и в государственном строе, в политике партийного и государственного руководства произошли заметные изменения, появилось много нового. Вследствие этого и представления советских правоведов о праве и законности не могли оставаться прежними.

Так, Е.Б. Пашуканис в последние годы своего творчества отрекся от многих суждений о праве, которых придерживался в 1920-е годы, даже в начале 1930-х годов, и высказывал в докладах и статьях мысли,

²⁵ См.: Советское государство и революция права. 1930. № 11–12. С. 16–49.

вполне соответствовавшие основным параметрам официальной правовой идеологии.

Евгений Брониславович отказался, например, от провозглашавшейся им прежде идеи неизбежного отмирания государства и права в социалистическом обществе. Эта идея входила в слишком большое противоречие с действительностью, в которой очевидными фактами были укрепление Советского государства и возрастание роли закона в государственном управлении. В докладе на теоретической конференции Московского правового института 3 апреля 1936 года Пашуканис решительно отмежевался от прежней своей оценки морали, права и государства как исключительно буржуазных форм, «которые не могут быть наполнены никаким социалистическим содержанием и должны отмирать по мере реализации этого содержания». Данную оценку он объявил в корне ошибочной установкой, «ничего общего не имеющей с марксизмом-ленинизмом», совершенно искажавшей «значение пролетарского государства, пролетарской коммунистической морали и, наконец, значение советского права как права пролетарского государства, как права, которое служит орудием построения социализма»²⁶. Признав, что «социалистическое общество организовано как общество государственное» и «вплоть до высшей фазы коммунизма социалистическое государство и социалистическое право сохраняют полностью свое значение», Пашуканис заявил, совершенно в духе Вышинского: «Разговоры о том, что право отмирает при социализме, представляют собой такую же оппортунистическую чепуху, как и утверждение, что государственная власть начала отмирать на другой день после свержения буржуазии»²⁷.

Отказался Е.Б. Пашуканис и от прежнего своего понимания права исключительно как формы, опосредствующей рыночный обмен. В предисловии ко 2-му изданию книги «Общая теория права и марксизм», вышедшему в 1926 году, он подчеркивал: «Действительно, я утверждал и продолжаю утверждать, что наиболее развитое, всестороннее и законченное правовое опосредствование порождается отношениями товаропроизводителей; что, следовательно, всякая общая

²⁶ Пашуканис Е.Б. Государство и право при социализме // Советское государство. 1936. № 3. С. 8.

²⁷ Там же. С. 7.

теория права и всякая “чистая юриспруденция” есть одностороннее, абстрагированное от всех прочих условий описание отношений людей, выступающих на рынке в роли товаровладельцев»²⁸. В докладе же, сделанном спустя десять лет, Пашуканис признал, что называя отношения товаровладельцев «подлинным специфическим содержанием всякого права», отодвигал при этом «на задний план основное классовое содержание всякой системы права, которое заключается в собственности на средства производства. Право выводилось непосредственно из обмена товаров по стоимости; тем самым смазывалась роль классового государства, защищающего системы собственности, соответствующую интересам господствующего класса»²⁹.

Отвергнув теорию «буржуазности» всякого права и назвав советское право социалистическим, Пашуканис по-новому посмотрел и на проблему построения системы социалистического права. Прежде ему казалось, что создавать ее нет никакой надобности, поскольку «советское право должно обладать максимальной подвижностью и гибкостью, в особенности на этапе развернутого социалистического наступления»³⁰. Теперь он стал говорить, что в условиях, когда Советское государство вошло в полосу «прочной стабилизации социалистических производственных отношений», вполне возможно создать систему советского социалистического права, если конструировать ее на основе общественной социалистической собственности и распределения по труду³¹.

При этом Пашуканис посчитал необходимым указать на трудности такой работы и вот здесь допустил серьезную оплошность. «Дело в том, — сказал он в докладе, — что законченного кодифицированного законодательства в целом ряде областей у нас еще нет. Старые кодексы, которые были рассчитаны на мирное сосуществование и борьбу капиталистического и социалистического секторов, действуют лишь в отдельных своих частях и часто в

²⁸ Пашуканис Е.Б. Общая теория права и марксизм. Опыт критики основных юридических понятий. 2-е исправл. и дополн. Издание. М., 1926. С. 9.

²⁹ Пашуканис Е.Б. Государство и право при социализме. С. 8.

³⁰ Там же. С. 9.

³¹ Там же. С. 10.

меньшинстве своих статей. Большинство положений уже является недействительными. Возьмете ли вы Гражданский кодекс, Земельный кодекс или Трудовой кодекс — все они как кодексы сейчас уже не могут применяться»³². Евгений Брониславович не понимал, что дает этими словами повод обвинить его в приверженности к старым заблуждениям относительно сущности советского права.

Вышинский был первым, кто воспользовался этой оплошностью. В статье «К положению на фронте правовой теории» прокурор СССР заявил, что Пашуканис отрицает социалистический характер советского права и «выбрасывает вон и советские законы, советские кодексы»³³, что он продолжает утверждать «невозможность построения системы социалистического права, исходя из того, что “это был период революционной ломки старых производственных отношений” и что “советское право должно обладать максимальной подвижностью и гибкостью, в особенности на этапе развернутого социалистического наступления”»³⁴.

Признав, что в советских кодексах, принятых в первой половине 1920-х годов за прошедшее время «многое устарело и требует изменения», Вышинский заметил, что это не дает Пашуканису основания отвергать их целиком вследствие того, что они якобы рассчитаны были на сосуществование и борьбу капиталистических и социалистических секторов. «Это грубое извращение природы наших кодексов, — констатировал он. — Пашуканис извращает содержание нашей законодательной политики в период нэпа. Гражданский кодекс и другие кодексы этой эпохи вовсе не представляли собой “рецепции” аналогичных буржуазных кодексов, не развязывали мелкобуржуазной рыночной стихии. Эти кодексы, отражая особенности эпохи, были направлены на защиту интересов трудящихся, на укрепление социализма»³⁵.

³² Там же.

³³ Вышинский А.Я. К положению на фронте правовой теории // Социалистическая законность. 1937. № 5. С. 36.

³⁴ Там же.

³⁵ Там же. В доказательство этого своего утверждения Вышинский привел следующее высказывание В.И. Ленина из письма Д.И. Курскому от 20 февраля 1922 г.: «Идет подготовка нового гражданского законодательства. НКЮст “плывет по течению”; я это вижу. А он обязан бороться *против* течения. Не перенимать

Развернувшаяся в середине 1930-х годов борьба новой, антиреволюционной правовой идеологии с революционной правовой идеологией охватывала не только теорию права и науку гражданского права. Она распространилась на все основные отрасли советского права.

В докладе на партийном собрании работников прокуратуры СССР «Положение на правовом фронте, произнесенном 3 мая 1937 года, А.Я. Вышинский обвинил Е.Б. Пашуканиса в том, что он сознательно:

- сводил наказание к возмездию, утверждал, что «идея ответственности необходима для того, чтобы наказание выступало как средство расплаты»³⁶, то есть фактически отрицал принцип уголовной ответственности, предполагая, что «все дело сводится не к вине, а к объективному вреду»³⁷;

- ставил знак равенства между наказанием в советском уголовном праве и наказанием в уголовном праве буржуазных стран;

- отрицал целесообразный характер наказания в советском уголовном праве;

(вернее, не дать себя надувать тупоумным и буржуазным старым юристам, кои перенимают) старое, буржуазное понятие о гражданском праве, а создавать новое».

³⁶ *Вышинский А.Я.* Положение на правовом фронте. С. 41. Дословно Пашуканис писал: «Идея ответственности необходима, если наказание выступает как средство расплаты. Преступник отвечает своей свободой за преступление и отвечает таким куском свободы, который *соразмерен* тяжести им содеянного. Эта идея ответственности совершенно не нужна там, где наказание освобождено от характера эквивалентности. Но там, где от этого начала действительно не осталось и следа, там наказание перестает быть наказанием в юридическом смысле слова» (*Пашуканис Е.Б.* Общая теория права и марксизм. М., 1927. С. 121).

³⁷ *Вышинский А.Я.* Положение на правовом фронте. С. 41. Пашуканис писал об этом следующее: «Юридическое понятие вины не научно, ибо оно прямым путем ведет к противоречиям индетерминизма... наказание, соразмерное с виной, принципиально представляет собой ту же форму, что и возмездие, соразмерное с ущербом. Характерным является прежде всего числовое математическое выражение для “тяжести” приговора: количество дней, месяцев и т.д. лишения свободы, та или иная сумма денежного штрафа, лишение таких-то прав и таких-то прав. Лишение свободы на определенный, заранее указанный в приговоре суда срок есть та специфическая форма, в которой современное, т.е. буржуазно-капиталистическое, уголовное право осуществляет начало эквивалентного воздаяния» (*Пашуканис Е.Б.* Общая теория права и марксизм. С. 121, 122).

– «высказывался против точной конструкции составов преступлений, считая достаточным дать одно лишь описание “симптомов”, характеризующих общественно-опасное состояние»³⁸.

По мнению Вышинского, не меньше бессмыслицы, чем в уголовном праве, «проповедовал Пашуканис и в части, касающейся советского уголовного процесса». Он изображал советский суд как «какое-то торжище, совершенно уподобляя советский суд и процесс буржуазному суду и буржуазному процессу»³⁹. Такими словами Вышинский охарактеризовал следующее утверждение Пашуканиса: «Уголовный процесс, как правовая форма, неотделим от фигуры потерпевшего, требующего “воздаяния”, и следовательно, неотделим от более общей формы сделок. Прокурор, как и полагается “стороне”, запрашивает “высокую цену”, т.е. строгое наказание, преступник просит снисхождения – “скидки”, суд постановляет “по справедливости”. Отбросьте совершенно в сторону эту форму сделки, и вы лишите уголовный процесс его юридической души»⁴⁰.

Оценивая приведенное высказывание Пашуканиса, Андрей Януарьевич воскликнул: «В сущности кому нужен такой процесс? Кому нужен такой суд? “Запрашивают”, “просят скидки”, “торгуются”, а суд решает, как ему подскажет то, что он считает “справедливостью”». И затем разразился, совершенно по-ленински, гневной большевистской тирадой: «Это, конечно, типичная меньшевистская, троцкистская клевета на советский суд, которая вытекает из глубоко извращенного представления о советском процессе как о процессе буржуазном и из слишком упрощенного представления и о самом буржуазном процессе»⁴¹. Смысл буржуазного процесса, его юридическую душу невозможно,

³⁸ Вышинский А.Я. Положение на правовом фронте. С. 40. По словам Пашуканиса, «последовательное проведение принципа охраны общества требовало бы не зафиксирования отдельных *составов преступления* (с чем логически связана *мера наказания*, определяемая законом или судом), но точного описания *симптомов*, характеризующих общественно опасное состояние и разработки тех *методов*, которые нужно в каждом данном случае применять для того, чтобы обезопасить общество» (Пашуканис Е.Б. Общая теория права и марксизм. С. 127).

³⁹ Вышинский А.Я. Положение на правовом фронте. С. 40.

⁴⁰ Пашуканис Е.Б. Общая теория права и марксизм. С. 119.

⁴¹ Вышинский А.Я. Положение на правовом фронте. С. 40.

подчеркивал Вышинский, «свести к тому, что кто-то с кем-то торгуется». При этом он сослался на «Случайные заметки» В.И. Ленина, в которых было показано, что за убийство трудящегося человека суд дал такое же наказание, как и за кражу 50 шаровар. «Хорошая эквивалентность! — возмутился Андрей Януарьевич этим фактом. — Это — буржуазная эквивалентность, корректирующаяся классовым интересом буржуазии, эксплуататоров, которые ни в грош не ценят жизнь трудящегося человека»⁴².

Завершая анализ воззрений Пашуканиса на уголовный процесс, Вышинский заявил, что он все смешал в кучу, изобразив советского прокурора в виде «торговца», который «запрашивает», а подсудимого — в виде стороны, которая просит «скидки», а советский суд — «в виде лавочника, который продает и покупает человеческую свободу, честь, самую жизнь»⁴³. Общий вывод Вышинского гласил: «В области уголовного права и процесса “теория” Пашуканиса приводила к отрицанию этого права и процесса»⁴⁴.

Помимо доктрин Пашуканиса, прокурор СССР подверг суровой критике воззрения целой группы других советских правоведов, имевших труды в области уголовного права и уголовного процесса: С.Я. Булатова, Н.В. Крыленко, А.А. Пионтковского, Е.Г. Ширвиндта и др. Все это означало, что весной 1937 года Вышинский приступил к масштабному пересмотру доктринальной основы советской правовой идеологии. Его цель была очевидной: она диктовалась необходимостью создания юридической науки, соответствовавшей новому состоянию советской государственности. Эта наука прежде всего должна была отражать социалистический характер советского общественного строя, определявшийся общественной собственностью на средства производства. Вместе с тем она призвана была опираться на классические юридические институты и категории, выработанные многовековым историческим опытом и составляющие основу правовой культуры и правопорядка любого развитого государства.

⁴² Там же.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Вышинский А.Я. К положению на фронте правовой теории // Социалистическая законность. 1937. № 5. С. 37.

* * *

Правоведы, возвращенные в духе революционной правовой идеологии, выступавшие ее создателями, проводниками и охранителями, в храме новой советской юридической науки оказывались еретиками, обреченными на гибель.

4 сентября 1937 года Военная коллегия Верховного суда СССР под председательством В.В. Ульриха рассмотрела дело Евгения Брониславовича Пашуканиса, затратив на весь процесс всего 20 минут. Судебное заседание началось в 16.00, а уже в 16.20 был вынесен расстрельный приговор. В тот же день он был приведен в исполнение.

31 марта 1956 года данный приговор был отменен Военной коллегией Верховного Суда СССР за отсутствием состава преступления в действиях Е.Б. Пашуканиса.

2

Арест Н.И. Бухарина и А.И. Рыкова вечером 27 февраля 1937 года, сразу же после заседания Пленума ЦК ВКП (б), принявшего резолюцию об их исключении из состава кандидатов в члены ЦК ВКП (б) и из рядов ЦК ВКП (б) и передаче их дела в НКВД, означал, что подготовка к судебному процессу над лидерами правой оппозиции вступила в решающую стадию. От следователей требовалось добиться признания арестованными своей вины в инкриминированных им преступлениях. Это была довольно трудная задача. Чтобы суд над бывшими большевистскими вождями достиг своих целей, он должен был проходить открыто, публично. В зал судебного заседания предполагалось пригласить в том числе иностранных корреспондентов и дипломатических представителей. Данное обстоятельство делало нежелательным применение к Бухарину и Рыкову пыток для получения признательных показаний⁴⁵. По этой причине и тюремное заключение

⁴⁵ Данный факт признал даже биограф Бухарина Стивен Коэн, относившийся к нему с нескрываемой симпатией. В книге «Бухарин. Политическая биография», вышедшей в свет на английском языке первым изданием в 1973 г., а в переводе на русский — в 1988 г., он с некоторой неуверенностью писал: «В такой вот атмосфере Бухарин, которого, как сообщают, не пытали, держался три месяца „с замечательной решимостью“, несмотря на бесконечные угрозы и допросы, которыми заправлял Ежов в соответствии со сталинскими указаниями» (Коэн С. Бухарин. Политическая биография. 1888–1938. М., 1988. С. 444). В статье же

арестованных должно было проходить в гуманных условиях и не давать поводов для подозрений в оказании давления на обвиняемых.

Как показывают факты, условия содержания Бухарина и Рыкова под арестом были вполне сносными: они даже позволяли им заниматься творческой деятельностью, причем довольно интенсивной. Общий объем только сохранившихся произведений, написанных Бухариным за десять месяцев тюремного заключения, составил в напечатанном виде более тысячи страниц. В последнем своем письме жене Анне Лариной, датированном 15 января 1938 года⁴⁶, он сообщал: «Тебе передадут три рукописи: а) большая философская работа на 310 стр. “Философские Арабески”); в) томик стихов; с) семь первых глав романа. Их нужно переписать на машинке, по три экземпляра... Самое важное, чтоб не затерялась философская работа, над которой я много работал и в которую много вложил: это – очень ЗРЕЛАЯ вещь, по сравнению с моими прежними писаниями, и в отличие от них, ДИАЛЕКТИЧЕСКАЯ от начала до конца. Есть ЕЩЕ та книга (“Кризис капит. культуры и социализм”), первую половину которой я писал еще дома. Ты ее постарайся ВЫРУЧИТЬ: она не у меня – жаль будет, если пропадет. Если ты получишь рукописи (много стихов связано с ТОБОЙ и ты по ним почувствуешь, как я к тебе привязан), и если тебе будет разрешено передать мне несколько строк или слов, НЕ ПОЗАБУДЬ УПОМЯНУТЬ И О МОИХ РУКОПИСЯХ»⁴⁷.

В воспоминаниях Анны Михайловны Лариной-Бухариной, написанных в середине 1980-х годов и опубликованных впервые в конце 1988 года (в № 10 журнала «Знамя»), нет никаких указаний на то, что лично ей и другим родственникам Бухарина угрожали расправой. «Мемуары не могут не быть субъективными, но я стремилась быть

«Бухарин на Лубянке», опубликованной в 2003 г., американский историк уже уверенно констатировал: «В отличие от многих других жертв репрессий, в том числе командиров Красной Армии, к нему похоже, не применяли физических пыток в тюрьме» (Козн С. Бухарин на Лубянке. // Свободная мысль. 2003. № 3. С. 60–61).

⁴⁶ Прочитает Анна Михайловна Ларина (Бухарина) это письмо мужа лишь через 54 года. 14 октября 1992 г. его текст был опубликован в газете «Известия».

⁴⁷ Узник Лубянки. Тюремные рукописи Николая Бухарина. Сборник документов / Предисловие С. Н. Бабурина. Введение Ст. Козна. М., 2008. С. 13.

правдивой и в этом стремлении предельно откровенной»⁴⁸, — отметила она в предисловии к своим воспоминаниям.

Между тем автор первой биографии Бухарина американский историк Стивен Коэн утверждал, что бывшего большевистского вождя принуждали дать признательные показания угрозами «уничтожить его жену и только что родившегося сына»⁴⁹. При этом он ссылаясь на книгу английского публициста Роберта Конквиста «Большой террор. Сталинская чистка тридцатых годов».

Данная книга вышла в свет в 1968 году в Нью-Йорке и Лондоне⁵⁰ и была широко разрекламирована в западных СМИ. Ее автор до 1956 года служил в Департаменте информационных исследований (ДИИ) — The Information Research Department (IRD), созданном в 1947 году при министерстве иностранных дел Великобритании специально для ведения информационной войны с Советским Союзом⁵¹. Исследователи, изучающие деятельность этого департамента, отмечают, что он являлся «секретной организацией, основанной в начале холодной войны для сбора конфиденциальной информации о коммунизме и создания базирующихся на фактах антикоммунистических пропагандистских произведений (или "публицити", если использовать термин, предпочитаемый в то время) с целью распространения их как за рубежом, так и внутри страны. Получателями его анонимной продукции стал ряд видных политиков, профсоюзных деятелей, журналистов и представителей интеллигенции»⁵². По свидетельству

⁴⁸ Ларина (Бухарина) А.М. Незабываемое. М., 1989. С. 8.

⁴⁹ Коэн С. Бухарин. Политическая биография. С. 444.

⁵⁰ *Conquest R. The Great Terror. London, New York, 1968.* В 1974 г. итальянское издательство «Аврора» выпустило ее перевод на русский язык.

⁵¹ Имя Роберта Конквиста называется в числе критически настроенных по отношению к Советскому Союзу авторов, состоявших до 1956 г. на службе в британском министерстве иностранных дел и работавших на ДИИ, в статье Дэвида Ли «Смерть департамента, которого никогда не было», опубликованной в 1978 г. в газете «The Guardian» («Robert Conquest, the scholar and author, who has been frequently critical of the Soviet Union, was one of those who worked for IRD. He was in the FO until 1956») (*Leigh D. Death of the Department that Never Was // The Guardian. 1978. 27 January. P. 13.*)

⁵² «IRD was a secret organization, founded at the beginning of the Cold War to gather confidential information about Communism and produce factually based anti-Communist propaganda (or 'publicity' to use the term preferred at the time) for dissemination both abroad and at home. Recipients of its unattributable output

Лиана Смита, в рекламе и распространении этой пропагандистской продукции принимало участие (и не безвозмездно) около ста журналистов крупнейших западных газет: *The Sunday Times*, *The Sunday Telegraph*, *The Observer*, *Daily Telegraph*, *The Guardian*, *The Times*, *Financial Times*, *The Economist*, а также *Soviet Analyst*⁵³.

Книга «Большой террор» была в действительности составлена из текстов, которые Роберт Конквест написал во время службы в указанной антикоммунистической пропагандистской организации. В работе над этим произведением ему помогали сотрудники Департамента информационных исследований, и издана она была в первый раз при посредничестве данной организации. Название книги явно указывало на ее идеологический характер, поскольку в действительности репрессии 1936–1938 гг. при всей их массовости террором очевидно не являлись⁵⁴.

Пытаясь объяснить, почему арестованные большевистские вожди сознавались на допросах в совершении государственных преступлений, Роберт Конквест писал: «Нет никаких сомнений в том, что угрозы семье — иными словами, использование заложников — было одним из самых сильнодействующих средств сталинского террора. Семьи видных партийных и государственных деятелей, от которых хотели добиться показаний, находились в руках НКВД — судя по всему, это было общей практикой. У Бухарина, Рыкова и Крестинского были дети, которых они очень любили... Указом от 7 апреля 1935 года наказания для взрослого населения распространились и на детей с двенадцати лет. Указ превратился в страшную угрозу для оппозиционеров, у которых были дети. Если Сталин мог открыто провозгласить такую зверскую меру, то он не остановился бы перед тем, чтобы тайно предать смерти детей

included a number of prominent politicians, trade unionists, journalists and intellectuals» (*Wilford H. The Information Research Department: Britain's Secret Cold War Weapon Revealed // Review of International Studies, Vol. 24, No. 3. P. 353*). Департамент информационных исследований был ликвидирован в 1977 г.

⁵³ *Smith L. Covert British Propaganda. The Information Research Department. 1947-77 // Millennium. Journal of International Studies. 1980. Vol. 9. No. 1. P. 72.* Этот факт приводится также в статье: *Leigh D. Death of the Department that Never Was. P. 13*

⁵⁴ Профессор университета Глазго А. Ноув еще в 1969 г. в своей рецензии на книгу Роберта Конквеста писал о ее крайне скудной документальной основе. См.: *Nove A. Reviewed Work(s): The Great Terror by Robert Conquest // Soviet Studies. 1969. Vol. 20. No. 4. P. 536.*

осужденных, когда считал нужным. В этом подсудимые могли не сомневаться»⁵⁵. На каком же основании строилось приведенное утверждение? Оказывается лишь на одном источнике — книге бывшего сотрудника НКВД майора госбезопасности Л.Л. Никольского⁵⁶ «Тайная история сталинских преступлений», изданной в 1953 году в Нью-Йорке. Вместо подлинного имени автора на ее титульном листе был указан псевдоним Александр Михайлович Орлов, который раньше использовался Никольским в разведывательной деятельности⁵⁷. В своей книге он рисовал картину крайней нравственной деградации сталинской правящей группировки: «7 апреля 1935 года советское правительство опубликовало закон, небывалый в истории цивилизованного мира. Этим законом провозглашалась равная со взрослыми ответственность, вплоть до смертной казни, для детей от двенадцати лет и старше за различные преступления, начиная с воровства... Тот факт, что на восемнадцатом году существования советского государства Сталин решился на введение смертной казни для детей, более ярко, чем другие, говорит о его истинном нравственном облике»⁵⁸. А.М. Орлов утверждал, что Постановление от 7 апреля 1935 года вовсе не было направлено против беспризорников, погрязших в преступлениях. Его цель была совершенно иной — создать дополнительное юридическое основание для давления на арестованных оппозиционных деятелей. По словам Орлова, было достаточно показать бывшим оппозиционерам, находящимся в заключении, «копию газетного листа, где был опубликован правительственный указ, обязывающий суд применять к детям все статьи уголовного кодекса, а стало быть, и любую кару, включая и смертную казнь», чтобы арестованным «стало ясно, что Сталина они недооценили и что их дети и внуки оказались в смертельной опасности. Так новый закон вошёл в арсенал средств сталинской инквизиции в качестве одного из наиболее действенных орудий моральной пытки и психического давления. Секретарь ЦК

⁵⁵ *Конквист Р.* Большой террор. Firenze, 1974. С. 275–276.

⁵⁶ Хотя в штате НКВД СССР автор этой книги числился под именем Льва Лазаревича Никольского, подлинным его именем, полученным при рождении, было Лейба Лазаревич Фельдбин.

⁵⁷ *Orlov A.* The Secret History of Stalin's Crimes. New York, 1953.

⁵⁸ *Орлов А.М.* Тайная история сталинских преступлений. М., 1991. С. 53–54.

Николай Ежов лично распорядился, чтобы текст этого закона лежал перед следователями на всех допросах»⁵⁹.

Одна из глав книги А.М. Орлова была специально посвящена Бухарину. Рассказывая, как под давлением следователей НКВД было сломлено сопротивление обвиняемого, А. Орлов счел необходимым заметить: «Но методы следствия и, главное, страх за жизнь жены и ребёнка делали это сопротивление с самого начала безнадежным».

Приведенные цитаты из книги А.М. Орлова «Тайная история сталинских преступлений» и были приняты в качестве достоверных свидетельств при объяснении поведения Бухарина после ареста сначала Робертом Конквестом, а затем и Стивеном Коэном.

Между тем уже одно то обстоятельство, что автор книги «Тайная история сталинских преступлений» с осени 1936 года пребывал в Испании и едва ли вообще что-то мог знать о допросах Бухарина, казалось бы, должно было побудить весьма критически отнестись к его сочинению. Английский историк Борис Борисович Володарский, автор книги об Александре Орлове, подверг проверке на достоверность все, что бывший сотрудник НКВД написал и сообщил устно после смерти Сталина о происходившем в СССР в 1936–1938 годах, и пришел к следующему выводу: «Большая часть того, что Орлов сказал, даже под присягой или во время его допроса сотрудниками американской разведки или в частных беседах с его другом Газуром, к настоящему времени установлена как **откровенный вымысел** (has by now been established as **outright invention**)»⁶⁰.

Упомянутый Робертом Конквестом «Указ от 7 апреля 1935 года», являлся на самом деле Постановлением ЦИК и СНК СССР «О мерах борьбы с преступностью среди несовершеннолетних». Он не мог превратиться в «**страшную угрозу для оппозиционеров**» хотя бы уже потому, что устанавливал четкие юридические основания привлечения несовершеннолетних, «начиная с 12-летнего возраста», к уголовному суду и применения к ним «всех мер уголовного наказания». Данные меры могли применяться к несовершеннолетним только при условии, если они были уличены «в совершении краж, в причинении насилия,

⁵⁹ Там же. С. 55–56.

⁶⁰ «...Has by now been established as **outright invention**» (*Volodarsky B. Stalin's Agent. The Life and Death of Alexander Orlov. Oxford, 2015. P. 386*).

телесных повреждений, увечий, в убийстве или попытках к убийству»⁶¹. Действовавшие в то время Уголовные кодексы советских республик не предусматривали расстрела ни за одно из этих преступлений. За совершение кражи частным лицом согласно ст. 162 УК РСФСР были установлены минимальные наказания в виде лишения свободы или исправительно-трудовых работ на срок до трех месяцев, а максимальные — в виде лишения свободы до пяти лет (к нему приговаривались за тайное похищение чужого имущества (кражу), совершенное из государственных и общественных складов и хранилищ. За умышленное причинение тяжких телесных повреждений ст. 142 УК устанавливала наказание в виде лишения свободы на срок до 8 лет, если же от такого телесного повреждения последовала смерть, лишение свободы увеличивалось до 10 лет. Максимальным наказанием за умышленное убийство в силу ст. 136 было лишение свободы до 10 лет.

Те, кто утверждает, что Постановление от 7 апреля 1935 года разрешало применение расстрела к достигшим 12-летнего возраста несовершеннолетним, уличенным в совершении тяжких преступлений, и потому могло быть использовано для давления на арестованных, обыкновенно ссылаются на так называемый секретный «Циркуляр Прокуратуры СССР и Верховного Суда СССР прокурорам и председателям судов» от 20 апреля 1935 года, гласящий: «Ввиду поступающих запросов, в связи с постановлением ЦИК и СНК СССР от 7/IV — с.г. “О мерах борьбы с преступностью среди несовершеннолетних”, разъясняем:

1. К числу мер уголовного наказания, предусмотренных ст. 1 указанного постановления, относится также и высшая мера уголовного наказания (расстрел).

2. В соответствии с этим надлежит считать отпавшими указание в примечании к ст. 13 «Основных начал уголовного законодательства СССР и союзных республик» и соответствующие статьи уголовных кодексов союзных республик (22 ст. УК РСФСР и соответствующие

⁶¹ Постановление ЦИК и СНК СССР «О мерах борьбы с преступностью среди несовершеннолетних». 7 апреля 1935 г. // Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства Союза Советских Социалистических Республик. 1935. № 19. 28 апреля. Статья 156. С. 262

статьи УК других союзных республик), по которым расстрел к лицам, не достигшим 18-летнего возраста, не применяется.

3. Ввиду того, что применение высшей меры наказания (расстрел) может иметь место лишь в исключительных случаях и что применение этой меры в отношении несовершеннолетних должно быть поставлено под особо тщательный контроль, предлагаем всем прокурорским и судебным органам предварительно сообщать прокурору Союза и председателю Верховного Суда СССР о всех случаях привлечения к уголовному суду несовершеннолетних правонарушителей, в отношении которых возможно применение высшей меры наказания.

4. При предании уголовному суду несовершеннолетних по статьям закона, предусматривающим применение высшей меры наказания (расстрела), дела о них рассматривать в краевых (областных) судах в общем порядке»⁶².

Данный «циркуляр» выглядит весьма странным, как по содержанию, так и по стилю. Как мог прокурор СССР Вышинский, высокообразованный правовед и педантичный по характеру человек, подписать документ, отличающийся сразу несколькими очевидными нелепостями?

Как можно было утверждать, что к мерам уголовного наказания, предусмотренным в статье 1 Постановления ЦИК и СНК СССР от 7 апреля 1935 года, относится также и высшая мера уголовного наказания (расстрел), если данная мера не предусматривалась в то время УК советских республик за перечисленные в ней преступления? Как мог Вышинский употребить или не заметить юридически безграмотное выражение «*надлежит считать отпавшими*», не исправив

⁶² При цитировании или просто упоминании этого документа в статьях, книгах, диссертациях, их авторы всегда приводят ссылку на Государственный архив Российской Федерации и указывают: Фонд Р-8131. Оп. 38. Д. 6. Л. 46а. Подлинник. Между тем в 2004 г. он был опубликован в первом томе семитомного сборника документов, посвященного истории советского ГУЛАГа. См.: Циркуляр Прокуратуры СССР и Верховного Суда СССР прокурорам и председателям судов о порядке применения высшей меры наказания к несовершеннолетним. 20 апреля 1935 г. № 1/001537 – 30/002517 // История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов: Собрание документов в 7-ми томах. Том 1. Массовые репрессии в СССР / Отв. ред. Н. Верт, С.В. Мироненко. Отв. Сост. И.А. Зюзина. М., 2004. С. 258.

его термином «отмененными»? Как прокурор СССР и председатель Верховного Суда СССР могли взять на себя полномочие отмены или изменения тех или иных статей уголовного законодательства РСФСР, если оно принадлежало по Конституции РСФСР 1925 года только ВЦИК РСФСР⁶³.

Постановлением ВЦИК и СНК РСФСР, изданным 25 ноября 1935 года⁶⁴, в законодательство РСФСР были внесены изменения с целью приведения его в соответствие с нормами Постановления ВЦИК и СНК СССР от 7 апреля 1935 года. В новой редакции была изложена статья 12 УК РСФСР. Она теперь гласила: «Несовершеннолетние, достигшие двенадцатилетнего возраста, уличенные в совершении краж, в причинении насилия, телесных повреждений, увечий, в убийстве или попытке к убийству, привлекаются к уголовному суду с применением всех мер наказания»⁶⁵. Была отменена статья 50 УК РСФСР, позволявшая уменьшить наполовину срок лишения свободы несовершеннолетнему от 14 до 16 лет и на одну треть несовершеннолетнему от 16 до 18 лет. Однако статья 22 ст. УК РСФСР, запрещающая применение расстрела к лицам, не достигшим

⁶³ Статья 24 Конституции РСФСР 1925 г. установила: «Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет Советов в пределах, указанных в ст.ст.3, 17 и 18 настоящей Конституции, является верховным законодательным, распорядительным и контролирующим органом Российской Социалистической Федеративной Советской Республики». В статье 25 было определено: «Всероссийский центральный исполнительный комитет советов издает кодексы, декреты и постановления в порядке собственной инициативы, а также рассматривает и утверждает законопроекты, внесенные Президиумом Всероссийского центрального исполнительного комитета советов и Советом народных комиссаров Российской социалистической федеративной советской республики».

⁶⁴ «Об изменении действующего законодательства РСФСР о мерах борьбы с преступностью среди несовершеннолетних, с детской беспризорностью и безнадзорностью». Постановление ВЦИК и СНК РСФСР 25 ноября 1935 года // Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства РСФСР. 1936. № 1. 29 января. Статья 1. С. 2.

⁶⁵ Прежний вариант ст. 12 УК РСФСР имел следующее содержание: «Меры социальной защиты судебно-исправительного характера не подлежат применению к несовершеннолетним до шестнадцатилетнего возраста, в отношении которых могут быть применяемы комиссиями по делам несовершеннолетних лишь меры соц. защиты медико-педагогического характера» (Уголовный кодекс РСФСР с изменениями на 1 июля 1935 г. Официальный текст с приложением постатейно-систематизированных материалов. М., 1935. С. 5).

восемнадцатилетнего возраста, и к беременным женщинам, которую, согласно якобы изданному 20 апреля 1935 года «Циркуляру Прокуратуры СССР и Верховного Суда СССР» надлежало считать «отпавшей», отменена не была.

21 июля 1935 года Прокурор СССР А.Я. Вышинский и председатель Верховного суда А.Н. Винокуров действительно издали совместную директиву «О мерах борьбы с преступностью среди несовершеннолетних». В отличие от «циркуляра 20 апреля 1935 года, она была опубликована в журнале «Социалистическая законность»⁶⁶. И что любопытно: в ней ни слова не говорилось и ни малейшего намека не делалось насчет возможности назначения несовершеннолетним высшей меры наказания. Более того, директива от 21 июля 1935 года требовала от всех прокуроров и судей: «Не допускать привлечения несовершеннолетних к уголовной ответственности в порядке расширительного толкования закона 7 апреля 1935 года»⁶⁷.

Профессор университета Торонто Питер Соломон, изучавший советскую юстицию 1930-х годов по архивным документам, касаясь вопроса применения указанного закона на практике, сделал следующий вывод: «Официальные данные о приговорах несовершеннолетним правонарушителям, проходившим по этому закону, свидетельствуют о том, что в течение 1936 года и по крайней мере в первой половине 1937 года смертная казнь не приводилась в исполнение ни по одному делу. В отчете был раздел, предполагавшийся для информации о смертных приговорах. Но этот столбец в таблице остался незаполненным. В ходе работы с обширными архивными документами (как самого автора, так и его коллег) не удалось обнаружить примеров приведения в исполнение смертных приговоров»⁶⁸.

⁶⁶ Директива прокуратуры СССР и Верховного суда СССР «О мерах борьбы с преступностью среди несовершеннолетних». 21 июля 1935 г. № 36/71 // Социалистическая законность. 1935. № 9. С. 67–69.

⁶⁷ Там же. С. 68.

⁶⁸ Соломон П. Советская юстиция при Сталине. М., 2008. С. 196. Для убедительности своего утверждения канадский историк дал ссылку на архивный фонд, материалы которого позволили ему прийти к такому выводу – ГАРФ. Ф. Р-8131. Оп. 37. Д. 533. Л. 203.

Допрашивая Бухарина, как и других подследственных, сотрудники НКВД, безусловно, могли в стремлении добиться от него необходимых показаний, прибегать к давлению на него с помощью угроз расправиться с его родственниками, женой и сыном. Но никаких доказательств этому пока не обнаружено. До тех пор, пока Бухарин отрицал все обвинения в государственных преступлениях, никаких ограничительных мер по отношению к его семье не применялось. В июне 1937 года Анна Ларина (Бухарина) была сослана в Астрахань, где было определено также пристанище для семей репрессированных военачальников (Тухачевского, Уборевича, Якира и др.), бывших сотрудников НКВД (Островского, Штейнбрюка, Ягоды и др.) и других известных политиков (напр., Карла Радека)⁶⁹. Факты показывают, что жену Бухарина выслали из Москвы после первых его признательных показаний.

В следственной практике НКВД применялось немало откровенно преступных способов получения признаний обвиняемых. Одним из таких приемов был «конвейерный» допрос, когда следователи, уставая, сменяли друг друга и таким образом доводили арестованного продолжительным допросом до полного изнурения.

Прокурор СССР Вышинский неоднократно протестовал против таких методов следствия. Так, 16 мая 1937 года Андрей Януарьевич обратился с докладной запиской к секретарю ЦК ВКП (б) И.В. Сталину и председателю СНК СССР В.М. Молотову, в которой сообщил: «Прокурор Дальневосточного Края донес мне о том, что за последнее время от ряда арестованных поступают жалобы на незаконные методы следствия, применяемые отдельными работниками УНКВД ДВК, в виде допросов без отдыха в течение 30–40 часов. На этой почве имело место самоубийство арестованного Благовещенского, который в апреле с.г. допрашивался непрерывно по одним данным — 40 часов, по другим — 16 часов...

Военный Прокурор внутренней охраны Куйбышевской области также сообщает о выявленных в УНКВД области случаях применения незаконных методов следствия. По указанию начальника 4 отдела УГБ Рогожина и начальника отделения Пшенникова в феврале с.г.

⁶⁹ Детство в тюрьме. Мемуары Петра Якира. Лондон, 1972. С. 20–21.

обвиняемый Мохнаткин допрашивался несколькими следователями без отдыха в течение более полутора суток... По имеющимся сведениям, подобные случаи в практике УНКВД Куйбышевского края не единичны. На партийных собраниях и оперативных совещаниях в УНКВД, а также на заседании парткома УНКВД 3 мая, выступавшие товарищи подтверждали факты применения незаконных методов следствия»⁷⁰. В заключение записки Вышинский заявил: «Не обобщая этих фактов, я считаю, конечно, необходимым предложить НКВД дать своим местным органам указания о недопустимости подобных незаконных методов следствия и о строгой ответственности лиц, нарушающих закон»⁷¹.

Что касается Бухарина, то он, по всей видимости, избежал изнурительных «конвейерных» допросов. Во всяком случае никаких упоминаний о том, что он проходил через такое испытание, нет ни в его письмах, ни в документах следствия, ни в воспоминаниях тех, с кем он общался. Допросы арестованного Бухарина и его письма из тюрьмы представляют поэтому особый интерес. Они показывают глубину той трагедии, которая обрушилась на революционеров-большевиков через два десятилетия после захвата ими власти над Россией. По какому-то печальному року подобную трагедию неизбежно переживают революционеры любой страны. Российские большевики-революционеры в определенном смысле повторили путь боровшихся с королевской властью английских революционных политиков 40-50-х годов XVII века и французских революционных деятелей 90-х годов XVIII века. Вместе с тем многое в судьбах большевистских вождей несло на себе исключительно национальный отпечаток.

Особую сущность русского революционера в наиболее отчетливой форме выразил Бухарин. За месяц до своего ареста, ощущая полнейшую невозможность что-либо изменить в своей жизни и абсолютное бессилие предотвратить ее трагический конец, вдруг в письме к Сталину Николай Иванович воздал хвалу гибельной для него политике:

⁷⁰ Докладная записка А.Я. Вышинского И.В. Сталину и В.М. Молотову о незаконных методах следствия, применяемых отдельными работниками УНКВД ДВК. 16 мая 1937 г. // Архив Президента Российской Федерации (далее: АП РФ). Ф. 3. Оп. 58. Д. 70. Л. 150–151.

⁷¹ Там же. Л. 151.

«И вот смотрю на все происходящее: Идет перед битвой огромная чистка. Хорошо. Очень хорошо! Ничто не может заставить меня отойти хоть на йоту от положительнейшей оценки всего очистительного процесса и строительного в целом»⁷². **Удивительно — но он восторгался пожаром, в котором уже горел!** Это признание многое объясняет в характере Бухарина и в его поведении на допросах в НКВД.

* * *

Первый разговор Бухарина со следователем состоялся 5 марта 1937 года. О том, кто вел допрос, можно лишь догадываться. В машинописном экземпляре двадцатистраничного протокола этого допроса, который находится в Российском государственном архиве социально-политической истории, обозначена лишь должность допрашивавшего Бухарина — «нач. 7 отделения 4 отдела ГУГБ капитан г.б.»⁷³. Но жена Николая Ивановича Анна Ларина в своих воспоминаниях указала, что делом Бухарина занимался следователь по фамилии Коган⁷⁴. В 4-м, секретно-политическом отделе, в то время служил только один сотрудник, носивший эту фамилию, — *Лазарь Вениаминович Коган*⁷⁵. По званию он являлся именно капитаном государственной безопасности. Это звание было ему присвоено приказом наркома внутренних дел № 812 от 8 декабря 1935 года⁷⁶.

Содержание протокола показывает, что допрос Бухарина, состоявшийся через неделю после его ареста, был довольно необычным. Особенно, если его оценивать с юридической точки зрения. Следователя

⁷² Письмо Н.И. Бухарина И.В. Сталину. 31 января 1937 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 277. Л. 88-89.

⁷³ Протокол допроса Бухарина Николая Ивановича от 5 марта 1937 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 295. Л. 68.

⁷⁴ *Ларина (Бухарина) А.М.* Незабываемое. С. 356-358.

⁷⁵ С июня 1935 г. Л.В. Коган занимал должность помощника начальника 7-го отделения 4-го отдела Главного управления государственной безопасности НКВД СССР.

⁷⁶ Приказом наркома внутренних дел № 2125 от 5 ноября 1937 г. Л.В. Когану было присвоено звание майора госбезопасности. Спустя год, 14 ноября 1938 г., он был арестован. 21 января 1939 г. на основании приказа наркома внутренних дел № 142 его уволили, в связи с арестом, из НКВД. 7 марта того же года Военная коллегия Верховного суда СССР приговорила Л.В. Когана к высшей мере наказания. В тот же день он был расстрелян.

почему-то больше интересовала не антигосударственная, а антипартийная деятельность Бухарина — действия, направленные против руководства ВКП (б), факты, свидетельствовавшие о несовпадении его идеологической позиции с общепартийной идеологической платформой. Соответственно и Бухарин признавал лишь в идеологических и политических ошибках, а обвинения в государственных преступлениях категорически отвергал.

Это могло означать только одно: следователь получил указание готовить дело Бухарина к рассмотрению на открытом, показательном судебном процессе.

Начиная допрос, следователь спросил: «Признаете ли себя виновным в том, что являлись членом руководящего центра существовавшей до последнего времени антисоветской организации правых?» «Нет, не признаю», — ответил Бухарин. «Вам были предъявлены материалы следствия по делу вскрытой организации правых», — снова задал вопрос следователь». «Мне был предъявлен ряд материалов следствия (показания), но я отнюдь не считаю, что я ими изобличен, ибо инкриминируемых мне преступлений я не совершал», — заявил Бухарин. «Вам также известно, что об антисоветской Вашей деятельности дают показания ближайшие Вам люди — Ваши ученики из т.н. “бухаринской школки”?»», — продолжал следователь. «Мне это известно, но я с ними давно порвал, примерно в конце 1932 г., после того как узнал об их контрреволюционной деятельности, которую я публично осудил»⁷⁷, — спокойно парировал Бухарин выпад следователя.

Далее Николай Иванович признал, что в 1928–1930 годах так называемая “бухаринская школка” являлась составной частью организации правых и не отрицал, что руководил в то время своими молодыми единомышленниками. Но касаясь их деятельности в период с 1930 по 1932 год, он отметил, что считает себя виновным «лишь в попустительстве оставшейся групповщине», т.е. в том, что «решительно и резко не одергивал этих людей и полагал, что все образуется само собой и они безоговорочно станут в общие ряды». Чтобы еще сильнее

⁷⁷ Протокол допроса Бухарина Николая Ивановича от 5 марта 1937 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 295. Л. 43.

отмежеваться от прежних своих соратников по правой оппозиции, Бухарин считал необходимым подчеркнуть: «Если уже в 1932 г. эта группа превратилась в контрреволюционную, то я к этому отношения не имею»⁷⁸.

После этого следователь попытался принудить подследственного к признанию о том, что он превратил группу своих молодых соратников в антипартийную организацию, которая вела антипартийную линию даже в борьбе с троцкизмом. Но Бухарин твердо ответил, что сознательно ничего другого, кроме общепартийной линии, троцкизму не противопоставлял.

Во время допроса были проведены две очные ставки Бухарина с прежними соратниками, принадлежавшими к так называемой «бухаринской школке»: Д.П. Марецким и А.Ю. Айхенвальдом. Оба подтвердили, что Бухарин и члены его группы занимали отличные от партии исходные позиции в борьбе с троцкизмом.

«Вся наша группа считала, — сказал Марецкий, — что мы ведем борьбу с троцкизмом более правильно, чем СТАЛИН. Мы старались придать борьбе с троцкизмом более мягкие формы. Например, в одном из основных вопросов борьбы с троцкизмом — в вопросе о победе социализма в одной стране — БУХАРИН и я стояли на той точке зрения, что говорить надо не столько о победе социализма в одной стране, сколько о возможностях строительства социализма. Известно, что точка зрения партии была другая»⁷⁹. «Вы признаете это?» — спросил следователь Бухарина. «Нет, не признаю, — ответил Николай Иванович. — Я в этом вопросе занимал общепартийную точку зрения, что документировано в ряде моих статей, речей»⁸⁰.

А.Ю. Айхенвальд на вопрос о позиции, которую занимала группа Бухарина в борьбе с троцкизмом ответил, как и Марецкий, что она «имела отличные от партии исходные позиции». Они заключались, по его словам, «в отрицании классовой борьбы в СССР, в расширительном толковании нэп'а, т.е. в стремлении возвести те отношения к кулачеству и к частному капиталу, которые тогда существовали, в абсолютный

⁷⁸ Там же. Л. 44.

⁷⁹ Там же. Л. 51.

⁸⁰ Там же.

принцип»⁸¹. Бухарин назвал эти показания преувеличенными. «Во-первых, я не отрицал классовой борьбы в СССР, но не видел грядущего этапа ее обострения, — сказал он. — Во-вторых, я не возводил принципов отношения к кулачеству, о которых говорит АЙХЕНВАЛЬД, ни в коей мере в абсолют, что доказывается лозунгом форсированного наступления на кулака на XV съезде»⁸². «Вы настаиваете на своих показаниях? — спросил Айхенвальда следователь. — Да, я заявляю, что в борьбе с троцкизмом наша группа исходила из иных и отличных от партии позиций», — ответил Айхенвальд.

На этом очные ставки Бухарина с Марецким и Айхенвальдом завершились, но его допрос был продолжен...

3

Уголовные дела бывших большевистских вождей, рассмотренные на открытых процессах в 1936–1938 годах, обычно оцениваются в литературе, посвященной так называемым сталинским репрессиям, лишь на основании опубликованных стенограмм судебных заседаний. Протоколы же допросов, проводившихся следователями НКВД, редко используются в качестве документального источника для объяснения событий тех лет, а чаще вообще не принимаются историками во внимание. Причина этой странности объясняется тем, что стенограммы судебных процессов оказались доступнее для изучения: они были опубликованы (пусть в сокращении и в отредактированном содержании) сначала в центральных газетах, а затем и в виде отдельных сборников. А что касается документов следствия по уголовным делам бывших большевистских вождей, то изданной оказалась лишь незначительная их часть. Почти все они хранятся в архивах и малодоступны для изучения. Многие следственные материалы, касающиеся видных большевиков, до сих пор засекречены.

Антисталинская пропагандистская кампания второй половины 1980-х годов, затеянная руководителями КПСС в целях идеологического оправдания проводившейся ими политики

⁸¹ Там же. Л. 52.

⁸² Там же. Л. 52–53.

разрушения Советского государства, способствовала утверждению в общественном сознании мнения о том, что уголовные дела против большевистских вождей были полностью сфальсифицированы. Данный тезис не опирался на объективный юридический анализ судебных и следственных документов, а представлял собой всего лишь идеологическую догму, навязывавшуюся через средства массовой информации населению страны. В 2001 году вдохновитель «перестройки» бывший секретарь ЦК КПСС А.Н. Яковлев, вспоминая о своей антигосударственной деятельности второй половины 1980-х годов, признался: «На первых порах перестройки нам пришлось частично лгать, лицемерить, лукавить — другого пути не было. Мы должны были — и в этом специфика перестройки — мобилизовать на нее стержень тоталитарного строя — тоталитарную коммунистическую партию»⁸³ На самом деле «лгать, лицемерить, лукавить» руководителям КПСС, ставшим на путь разрушения Советского государства под лозунгом «перестройки», пришлось не «частично», а практически во всем, и прежде всего относительно характера, масштаба и подоплеки так называемых сталинских репрессий.

Михаил Сергеевич Соломенцев, занимавший с 28 сентября 1987 года до 8 октября 1988 года пост председателя Комиссии Политбюро ЦК КПСС по дополнительному изучению материалов, связанных с репрессиями, имевшими место в период 30-40-х и начала 50-х годов⁸⁴, в интервью корреспондентам газеты «Правда» 19 августа 1988 года утверждал, что стенограммы открытых судебных процессов 1936–1938 годов «недостовверны, неправдивы. Они в той же степени сфальсифицированы, в какой сфальсифицированы следственные и судебные материалы. Они утратили и юридическую, и моральную силу»⁸⁵. Однако при обсуждении вопроса о реабилитации Н.И. Бухарина во время первого заседания реабилитационной комиссии, которое состоялось 5 января 1988 года, Соломенцев выражал сомнения

⁸³ Яковлев А.Н. Нам приходилось лгать и лицемерить // Вечерняя Москва. 2001. 11 июля.

⁸⁴ Постановлением Политбюро ЦК КПСС от 8 октября 1988 г. председателем данной комиссии был утвержден вместо М.С. Соломенцева член Политбюро, секретарь ЦК КПСС А.Н. Яковлев.

⁸⁵ Беседа М.С. Соломенцева с корреспондентами «Правды» по вопросам реабилитации // Правда. 1988. 19 августа.

в том, что выдвинутое обвинение было целиком сфальсифицировано. Так, выслушав доклад заместителя председателя КГБ ССС генерал-полковника В.П. Пирожкова по делу правотроцкистского блока, он спросил: «При рассмотрении дела в суде Бухарин признал себя виновным [по всем пунктам], за исключением участия в организации шпионажа и терактов против Менжинского, Дзержинского, Горького, Пешкова. Есть ли какие-то у нас документы, которые показывают, каким образом от них было получено показание о признании себя виновным. И почему на заседании суда не отказались от части обвинения, а остальное признали?». Пирожков пояснил, что имеются материалы о том, что «применялись недозволенные средства воздействия в ходе следствия, после которых, как правило, признательные показания появлялись. У нас есть том самого процесса». Член реабилитационной комиссии председатель КГБ СССР В.М. Чебриков поддержал своего заместителя, сказав: «Надо добавить, что есть показания некоторых товарищей, что им обещали за это жизнь. Есть фамилии людей, которые подтверждают это». «Тогда почему Бухарин от каких-то обвинений отказался, от [других] не отказался? Как тут можно расценивать?»⁸⁶ — снова спросил Соломенцев. Он явно не соглашался с голословным утверждением, что Бухарин давал признательные показания под давлением следователей, и просил доказать, что этот факт действительно имел место.

Утверждая, будто имеются показания о том, что Бухарину и другим лидерам правых на допросах обещали сохранить жизнь, если они признаются в совершении инкриминированных им преступлений, Чебриков имел в виду заявление М.П. Фриновского от 11

⁸⁶ Стенограмма заседания Комиссии Политбюро ЦК КПСС по дополнительному изучению материалов, связанных с репрессиями, имевшими место в период 30-40-х и начала 50-х годов. 5 января 1988 г. // Реабилитация: Как это было. Документы Политбюро ЦК КПСС, стенограммы заседания Комиссии Политбюро ЦК КПСС по дополнительному изучению материалов, связанных с репрессиями, имевшими место в период 30-40-х и начала 50-х годов, и другие материалы. В 3-х томах. Т. 3. Середина 80-х годов — 1991. М., 2004. С. 39.

апреля 1939 года на имя наркома внутренних дел Л.П. Берия⁸⁷. Находившийся в то время под арестом бывший заместитель наркома внутренних дел Ежова описал новому наркому, помимо прочего, ужасы, творившиеся во время расследования дел в центральном аппарате НКВД, сообщил как готовилось к рассмотрению на открытом судебном процессе уголовное дело Бухарина, Рыкова и других лидеров правых. Данное заявление было упомянуто в поданном Пленуму Верховного суда СССР 21 января 1988 года протесте генерального прокурора СССР А.М. Рекунова на приговоры военной коллегии Верховного суда СССР от 13 марта 1938 года и 8 сентября 1941 года⁸⁸, а также в постановлении Пленума Верховного суда от 4 февраля 1988 года по делу Бухарина Н.И., Рыкова А.И., Розенгольца А.П., Чернова М.А., Буланова П.П., Левина Л.Г., Казакова И.Н., Максимова-Диковского В.А., Крючкова П.П. и Раковского Х.Г. с примечательным подзаголовком «Признание обвиняемым своей вины не имеет заранее установленной силы и может быть положено в основу обвинительного приговора лишь при подтверждении совокупностью других фактических данных»

«Изучение материалов дела, — отмечалось в указанном постановлении Пленума Верховного суда СССР, — дает основание сделать вывод, что некоторые протоколы допросов, в том числе допросов на очных ставках, фальсифицировались; к делу приобщались заранее составленные протоколы допросов с "признанием" обвиняемыми своей вины. Самооговор же достигался путем обмана, шантажа, психического и физического насилия. Бывший заместитель наркома внутренних дел СССР Фриновский в

⁸⁷ Текст этого документа был впервые опубликован только в 2006 г. См.: Спецсообщение Л.П. Берии И.В. Сталину с приложением заявления М.П. Фриновского. 13. 04. 1939 г.

// Лубянка. Сталин и НКВД—НКГБ—ГУКР «Смерш». 1939 — март 1946. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. М., 2006. С. 33–50 (далее: Заявление Фриновского).

⁸⁸ Протест (в порядке надзора) по делу Н.И. Бухарина, А.И. Рыкова, А.П. Розенгольца, М.А. Чернова, П.П. Буланова, Л.Г. Левина, И.Н. Казакова, В.А. Максимова-Диковского, П.П. Крючкова, Х.Г. Раковского. 21 января 1988 г. // Известия ЦК КПСС. 1988. № 1. С. 118.

своем заявлении от 11 апреля 1939 года признал, что работники НКВД СССР "готовили" арестованных к допросам на очных ставках, навязывая им возможные вопросы и ответы на них. С допрашиваемым нередко беседовал Ежов. Если арестованный отказывался от своих показаний, следователю давались указания "восстановить" арестованного, то есть добиться от него прежних ложных показаний. Ежов, по показаниям Фриновского, неоднократно беседовал с Н.И. Бухариным, А.И. Рыковым, П.П. Булановым и другими обвиняемыми; каждого из них он убеждал, что суд сохранит им жизнь, если они признают свою вину»⁸⁹.

На самом деле Фриновский в заявлении от 11 апреля 1939 года не говорил о том, что в отношении Бухарина и других лиц, проходивших с ним по одному уголовному делу, применялись обман, шантаж, психическое и физическое насилие. Не заявлял Фриновский и о том, что Ежов «каждого из них... убеждал, что суд сохранит им жизнь, если они признают свою вину». «ЕЖОВ несколько раз беседовал с БУХАРИНЫМ и РЫКОВЫМ и тоже в порядке их успокоения заверял, что их ни в коем случае не расстреляют»⁹⁰, — вот что в действительности утверждал Фриновский.

Бывший заместитель наркома внутренних дел СССР довольно подробно описал в указанном заявлении, как фальсифицировались протоколы допросов обвиняемых, как выбивались из них нужные показания, но все это ни в коей мере не относилось к Бухарину и другим лидерам правых. Наоборот, Фриновский отмечал, что правых как раз щадили на допросах с целью сохранения их организации. Избивались же арестованные по приказу и настоянию Ежова для того, утверждал Фриновский, чтобы добиться от них показаний о подготовке устранения самого наркома внутренних дел. «Сознательно проводимая ЕЖОВЫМ неприкрытая линия на фальсифицирование материалов следствия о подготовке против него террористических актов дошла до того, — пояснял он, — что угодливые следователи из числа "колольчиков" постоянно добивались "признания" арестованных о мнимой подготовке террористических актов против

⁸⁹ Постановление Пленума Верховного суда СССР от 04.02.1988 года // СПС «Гарант».

⁹⁰ Заявление Фриновского. С. 47.

ЕЖОВА... При проведении следствия по делу ЯГОДЫ и арестованных чекистов-заговорщиков, а также и других арестованных, особенно правых, установленный ЕЖОВЫМ порядок “корректировки” протоколов преследовал цель сохранение кадров заговорщиков и предотвращение всякой возможности провала нашей причастности к антисоветскому заговору»⁹¹.

Таким образом, утверждения председателя КГБ СССР Чебрикова на заседании реабилитационной комиссии 5 января 1988 года и генерального прокурора СССР Рекунова в протесте от 21 января 1988 года, а также выводы принятого 4 февраля 1988 года Постановления Пленума Верховного суда СССР о том, что следователи добивались от Бухарина показаний путем применения обмана, шантажа, мер физического и психологического насилия опирались на **сознательно искаженные, сфальсифицированные свидетельства** бывшего заместителя наркома внутренних дел М.П. Фриновского. Чтобы убедиться в этом, достаточно внимательно прочитать текст его заявления.

Удивителен уже сам факт использования этого документа для обоснования утверждений о том, что материалы следствия в отношении Бухарина, Рыкова и других соучастников их уголовного дела были сфальсифицированы, что признательные показания в совершении государственных преступлений были получены от них путем применения мер физического и психологического насилия, что никакого заговора против Сталина не существовало и что в действиях указанных лиц вообще отсутствовал состав преступления. Ведь на самом деле свидетельства, содержащиеся в заявлении М.П. Фриновского от 11 апреля 1939 года, не опровергают существования заговора и участия в нем Бухарина и других лидеров правых, а напротив — **доказывают, что такой заговор действительно существовал и был чрезвычайно опасен для Сталина и его сторонников, поскольку в нем участвовало почти все руководство НКВД и в том числе нарком Ежов.** Эти свидетельства Фриновского, безусловно, требуют проверки, но в данном случае не имеет значения

⁹¹ Там же. С. 46.

— ложные они или правдивые⁹² — единственно важным является лишь то, что они совсем не подтверждают применения к Бухарину в

⁹² Документальных материалов, подтверждающих версию об участии в заговоре против Сталина ряда руководителей НКВД, вполне достаточно для предположения о том, что приведенные свидетельства Фриновского вполне могут быть достоверными, пусть не в полном своем содержании, а лишь в какой-то части. Так, в сопроводительном письме Л.П. Берии, А.А. Андреева и Г.М. Маленкова И.В. Сталину к акту приема-сдачи дел в НКВД СССР, датированном 29 января 1939 г., отмечалось: «Враги народа пробравшиеся в органы НКВД сознательно искажали карательную политику Советской власти, производили массовые необоснованные аресты ни в чем неповинных людей, в то же время укрывая действительных врагов народа. Грубейшим образом извращались методы ведения следствия, применялись без разбора массовые избиения заключенных для вымогательства ложных показаний и “признаний”... Для того, чтобы получить большее количество признаний, в ряде органов НКВД прибегали к прямой провокации: уговаривали заключенных дать показания об их, якобы, шпионской работе в пользу иностранных разведок, объясняя при этом, что такого рода вымышленные показания нужны партии и правительству для дискредитации иностранных государств. При этом обещали заключенным освободить их после дачи подобного рода “признаний”. Руководство НКВД в лице тов. Ежова не только не пресекало такого рода произвол и перегибы в арестах и в ведении следствия, но иногда само способствовало этому» (Сопроводительное письмо наркома внутренних дел СССР Л.П. Берии, секретаря ЦК ВКП(б) А.А. Андреева и зав. отделом организационно-партийной работы ЦК ВКП(б) Г.М. Маленкова И.В. Сталину к акту приема-сдачи дел в НКВД СССР. 29 января 1939 г. // Петров Н., Янсен М. «Сталинский питомец» — Николай Ежов. М., 2008. С. 360). На допросах арестованный Н.И. Ежов признал, что проводившиеся в 1937-м и 1938 гг. массовые репрессии использовал в интересах заговора (Из протокола допроса обвиняемого Ежова Николая Ивановича от 4 августа 1939 г. // Там же. С. 367).

Все это можно было бы объяснить желанием И.В. Сталина возложить ответственность за массовые необоснованные аресты ни в чем неповинных людей и произвол, который творился в НКВД в процессе проведения следствия на бывшего наркома внутренних дел, если бы не одно существенное обстоятельство: арест Ежова, следствие и суд над ним, смертный приговор и приведение его в исполнение — все это было осуществлено без какого-либо оповещения населения страны и долгое время держалось в тайне от общества. Между тем стремление свалить свою вину за массовые репрессии на Ежова должно было бы заставить Сталина придать мерам, принятым против него, максимально публичный характер. Авиаконструктор А.С. Яковлев упомянул в своих мемуарах, что после арестов в 1937–1938 гг. возникла острая кадровая проблема. По его словам, однажды Сталин, заговорив дома за ужином о том, что во всех областях не хватает хороших работников, обрушился с руганью на бывшего наркома: «Ежов мерзавец! Погубил наши лучшие кадры. Разложившийся человек» (Яковлев А.С. Цель жизни (записки авиаконструктора). М., 1969. С. 509).

процессе расследования его уголовного дела физического насилия, шантажа и других мер психологического воздействия.

Фриновский сообщил в своем заявлении, что следственные материалы в отношении Бухарина, Рыкова и других соучастников их уголовного дела фальсифицировались, но делалось это, по его утверждению, совсем не для того, чтобы приписать им преступления, которых они не совершали, а наоборот — чтобы **скрыть самые тяжкие их преступные деяния.**

Раскрывая тайный механизм расследования уголовного дела лидеров правовой оппозиции, Фриновский писал: «До ареста БУХАРИНА и РЫКОВА, разговаривая со мной откровенно, ЕЖОВ начал говорить о планах чекистской работы в связи со сложившейся обстановкой и предстоящими арестами БУХАРИНА и РЫКОВА. ЕЖОВ говорил, что это будет большая потеря для правых, после этого вне нашего желания, по указанию ЦК могут развернуться большие мероприятия по правым кадрам, и что в связи с этим основной задачей его и моей является ведение следствия таким образом, чтобы, елико возможно, сохранять правые кадры. Тут же он развернул план этого дела. В основном этот план заключался в следующем: “Нужно расставить своих людей, главным образом, в аппарате СПО⁹³, следователей подбирать таких, которые были бы или полностью связаны с нами, или за которыми были бы какие-либо грехи и они знали бы, что эти грехи за ними есть, а на основе этих грехов полностью держать их в руках. Включиться самим в следствие и руководить им”. “А это заключается в том, — говорил ЕЖОВ, — чтобы записывать не все то, что говорит арестованный, а чтобы следователи приносили все наброски, черновики начальнику отдела, а в отношении арестованных, занимавших в прошлом большое положение и занимающих ведущее положение в организации правых, протоколы составлять с его санкции”. Если арестованный называл участников организации, то их нужно было записывать отдельным списком и каждый раз докладывать ему. Было бы неплохо, говорил

⁹³ СПО — сокращенное наименование социально-политического отдела Главного управления государственной безопасности НКВД СССР, занимавшегося контрреволюционными организациями.

ЕЖОВ, брать в аппарат людей, которые уже были связаны с организацией»⁹⁴.

Присутствовавший на заседании реабилитационной комиссии 5 января 1988 года председатель Верховного суда В.И. Теребилов, выступая в поддержку реабилитации Бухарина, заявил, что участвовавшие в расследовании его дела бывшие работники КГБ были привлечены к уголовной ответственности «за незаконный арест и фальсификацию уголовного дела». «Их признали виновными», — подчеркнул он. Подобное утверждение было приведено в качестве одного из оснований для реабилитации Бухарина, Рыкова и других лиц, осужденных по одному и тому же уголовному делу, и в постановлении Пленума Верховного суда СССР от 4 февраля 1988 года. В нем говорилось: «Бывшие работники НКВД СССР Фриновский, Агранов, Николаев, Дмитриев, Церпенто, Ушаков, Чистов, Пассов, Коган, Герзон, Глебов, Лулов и другие, принимавшие непосредственное участие в расследовании данного уголовного дела, впоследствии были осуждены за незаконные аресты, фальсификацию доказательств и другие грубейшие нарушения законности». Все эти работники НКВД действительно были арестованы и осуждены, но не за фальсификацию доказательств при расследовании бухаринского уголовного дела, а за участие в антигосударственной организации, т.е. за совершение преступления, предусмотренного статьей 58-11 действовавшего в то время Уголовного кодекса РСФСР.

Любопытно, что в списке привлеченных к уголовной ответственности оказались и сотрудники НКВД, которые допрашивали Бухарина в первые месяцы после его ареста, — капитан государственной безопасности Л.В. Коган Коган и комиссар государственной безопасности 1-го ранга Я.С. Агранов⁹⁵. Но если они прибегали к насильственным методам ведения допросов и фальсификациям, то почему же им не удалось добиться

⁹⁴ Заявление Фриновского. С. 42.

⁹⁵ Уголовное дело Бухарина и других лидеров правых Я.С. Агранов получил в свое распоряжение после того, как 15 апреля 1937 г. был смещен с поста начальника ГУГБ НКВД СССР и назначен начальником 4-го отдела ГУГБ. 17 мая 1937 г. Он получил новое назначение — на этот раз на должность начальника управления НКВД по Саратовской области и отбыл из Москвы.

признательных показаний от Бухарина? Думается, ответ здесь прост — к Бухарину Коган и Агранов таких методов ведения следствия не применяли.

Реабилитационная комиссия, рассматривавшая 5 января 1988 года вопрос о реабилитации Бухарина, с этим фактом, подтверждавшимся многими обстоятельствами, согласиться по вполне понятным причинам не могла. «Я рассуждаю как человек, гражданин, Неужто такими людьми, как Бухарин, какой-то следователь с меньшим интеллектом мог руководить. Насколько это достоверно?»⁹⁶ — высказывал свои сомнения М.С. Соломенцев. «До исступления доводились», — отвечал ему присутствовавший на заседании комиссии заместитель председателя КГБ СССР В.П. Пирожков. «Это все нам надо рассказать, из этой справки не видно. Механизм какой в этом был, надо рассказать», — не успокаивался Соломенцев. «Мы будем 270 томов анализировать»⁹⁷, — заверял его Пирожков.

В действительности уголовное дело Бухарина и его группы насчитывало 276 томов⁹⁸. Данный факт уже сам по себе давал серьезное основание усомниться в его полной фальсификации, поскольку изготовление такого большого объема фальсифицированных материалов не могло не представляться не только бессмысленным, но и невозможным.

Для внимательного изучения всех томов уголовного дела Бухарина и его группы требовалось довольно много времени. Однако постановление Пленума Верховного Суда, реабилитировавшее Бухарина, было принято 4 февраля 1988 года, то есть уже через месяц после того, как состоялось первое заседание реабилитационной комиссии (газета «Правда» сообщила об этом событии 10 февраля). Данный факт заставляет думать, что решение о реабилитации Бухарина на самом деле совсем не вытекало из юридического анализа

⁹⁶ Стенограмма заседания Комиссии Политбюро ЦК КПСС по дополнительному изучению материалов, связанных с репрессиями, имевшими место в период 30-40-х и начала 50-х годов. 5 января 1988 г. С. 42.

⁹⁷ Там же.

⁹⁸ Эту цифру назвал в самом начале первого заседания реабилитационной комиссии председатель КГБ СССР В.М. Чебриков: «Сегодня мы будем рассматривать дело Бухарина. Дело Бухарина и всей его группы состоит из 276 томов» (см.: Там же. С. 33).

документов его уголовного дела, а было вынесено по мотивам исключительно политическим.

* * *

Подобным образом ранее действовала и Комиссия под председательством В.М. Молотова, созданная согласно постановлению Президиума ЦК КПСС от 13 апреля 1956 года для изучения материалов открытых судебных процессов по делу Бухарина, Рыкова, Зиновьева, Тухачевского и других⁹⁹. На своем седьмом заседании, состоявшемся 23 июня 1956 года, она поручила генеральному прокурору Р.А. Руденко и председателю КГБ СССР И.А. Серову «представить к 10 июля материалы по делу “Антисоветского правотроцкистского блока” (Бухарин, Рыков и др.), а также по делу «Правотроцкистского военного заговора» (Тухачевский, Якир и др.)»¹⁰⁰.

На следующем заседании, походившем 2 июля 1956 года, комиссия Молотова обязала Руденко и Серова представить указанные материалы не к 10 июля, как было обусловлено, а на три дня раньше¹⁰¹. Данное поручение было выполнено в назначенный срок: 7 июля 1956 года И.А. Серов направил в адрес В.М. Молотова документ под названием «Справка по материалам дела антисоветского “правотроцкистского блока”»¹⁰². Очевидно, что за столь короткий срок эти материалы по-настоящему изучить было невозможно.

⁹⁹ Постановление Президиума ЦК КПСС «Об изучении материалов открытых судебных процессов по делу Бухарина, Рыкова, Зиновьева, Тухачевского и других» 13 апреля 1956 г. // Реабилитация: как это было. Документы Президиума ЦК КПСС и другие материалы. Том 2. Февраль 1956 – начало 80-х годов. М., 2003. С. 70.

¹⁰⁰ Протокол № 7 заседания Комиссии ЦК КПСС по изучению материалов открытых судебных процессов 30-х годов. 23 июня 1956 г. // Там же. С. 128.

¹⁰¹ Протокол № 8 заседания Комиссии ЦК КПСС по изучению материалов открытых судебных процессов 30-х годов. 2 июля 1956 г. // Там же. С. 149.

¹⁰² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 456. Л. 66–109. В 2013 г. текст данной справки был опубликован в сборнике документов по процессу Н.И. Бухарина. См.: Справка Председателя КГБ при СМ СССР И.А. Серова о процессе по делу антисоветского "право-троцкистского блока". 7 июля 1956 г. // Процесс Бухарина. 1938 г.: Сборник документов. М., 2013. С. 852–858.

И действительно, в справке Серова было допущено много ошибок¹⁰³, а изложенные в ней оценки бухаринского уголовного дела и в особенности выводы относительно характера следствия оказались голословными. Предпринятая в этом документе попытка их обосновать опиралась на такую логику доказывания, которую трудно назвать иначе, как абсурдной.

Так, в справке говорилось, что «до ареста и находясь под следствием, БУХАРИН длительное время не признавал себя ни в чем виновным. За это время он написал много писем и заявлений на имя И.В. СТАЛИНА, в которых доказывал свое алиби. Это, а также и приведенные выше факты свидетельствуют о том, что к последующим признаниям БУХАРИНА нельзя относиться с доверием. Тем более, что в результате проверки установлено, что значительная часть его показаний бесспорно опровергнута, как вымышленная. В частности, полностью реабилитированы 15 партийных и советских работников, которые фигурируют в показаниях БУХАРИНА как его сообщники».

Как видим, вывод о том, что к признательным показаниям Бухарина нельзя относиться с доверием, обосновывается в первую очередь тем, что ранее он не признавал себя виновным. Иными словами, если обвиняемый признается в совершенных им преступлениях не сразу с началом следствия, а только во время последующих допросов, то данное признание уже на одном этом основании нельзя считать правдивым. Порочность такой логики доказывания невиновности обвиняемого очевидна, но составитель справки по материалам дела антисоветского «право-троцкистского блока» добавил еще один сомнительный прием — ссылку на некую проверку показаний Бухарина. Кем и когда она проводилась, какие конкретно материалы проверялись — об этом в справке не сообщалось. Утверждалось лишь, что в результате проверки было установлено, что «значительная часть» показаний Бухарина «бесспорно опровергнута, как вымышленная». Понятия «значительная» и «весь объем» не тождественны — следовательно,

¹⁰³ Так, Николай Иванович Бухарин в самом начале справки Серова назван Николаем Николаевичем. Далее в справке указано, что участники так называемой бухаринской «школки» были арестованы в декабре 1937 г. — феврале 1938 г. На самом деле их арест был произведен в декабре 1936 г. — феврале 1937 г.

какие-то показания Бухарина оказались не вымышленными. Какие это показания? Не перевешивают ли они тех, которые при проверке по неизвестному критерию признаны вымышленными? Любопытно, что после сообщения о результате «проверки» в справке говорилось о реабилитации партийных и советских работников, фигурировавших в показаниях Бухарина в качестве его сообщников, и начиналась эта фраза со слов «в частности». Следовательно, именно данная реабилитация и была тем фактом, который составитель справки посчитал достаточным для опровержения показаний Бухарина как вымышленных.

Факт реабилитации лиц, которых обвиняемый называл в своих показаниях своими соучастниками, для квалификации данных показаний как ложных был использован в рассматриваемой справке для оправдания не только Бухарина, но и других лиц, проходивших с ним по одному уголовному делу. О Рыкове, например, говорилось, что в своих показаниях 9 августа 1937 года он сообщил о наличии у организации правой оппозиции резервного центра, в который вошли: Антипов, Сулимов, Уханов, Сырцов и Халатов. «Эти показания РЫКОВА являются полностью вымышленными», — констатировалось в справке. На каком же основании? Лишь на том, что названные лица, «как выяснилось при проверке», были в 1955–1956 годах «полностью реабилитированы», поскольку их арест «по обвинению в принадлежности к контрреволюционной организации правых» являлся необоснованным. Но если люди, о которых сообщал А.И. Рыков¹⁰⁴, в действительности никаких преступлений не совершали, то есть Алексей Иванович на допросах возводил на них клевету, то почему он должен на этом основании признаваться невиновным? Тем более, что его показания против этих людей обрекли их на смертный приговор?

Реабилитация лиц, которых арестованный назвал на допросах своими соучастниками и подвел их тем самым под смертный приговор, даже если она вполне обоснованная, может ставить под сомнение только его показания против этих лиц, но никак не все то, в

¹⁰⁴ «Из числа записанных в показаниях РЫКОВА его сообщников, к настоящему времени реабилитировано свыше 30 человек», — сообщалось в справке Серова.

чем он признавался во время допросов. Однако составитель справки по материалам дела антисоветского «право-троцкистского блока» стремился найти основание, позволявшее объявить сфальсифицированными все материалы этого уголовного дела. Очевидно, что признание подложными отдельных документов (протоколов допросов или заявлений обвиняемых), обнаружение сокращений, исправлений, редактирования или даже переписывания каких-то фрагментов в стенограммах судебных процессов не давало повода признать сфальсифицированным все следствие и весь судебный процесс по указанному делу. Поэтому для достижения этой цели в справке Серова был использован еще один хитроумный прием. Основанием для признания всего следствия и судебного процесса по делу Бухарина, Рыкова и других лидеров правой оппозиции подложными стала оценка господствовавшей внутри НКВД СССР и в советских судах атмосферы как состояния беззакония и бесчеловечности.

Данная оценка сформировалась в значительной мере из свидетельств самих работников НКВД. В справке Председателя КГБ при СМ СССР И.А. Серова были приведены показания принимавших участие в расследовании дела антисоветского «право-троцкистского блока» Я.А. Аронсона, Н.М. Лернера, М.П. Фриновского, и в результате нарисовалась следующая картина: «Следствие по делу т.н. «антисоветского право-троцкистского блока» и рассмотрение его в суде проводилось в период 1937 и начала 1938 гг., характеризовавшийся массовыми репрессиями советских граждан, грубейшими нарушениями социалистической законности, жестокими избиениями подследственных и различными провокационными приемами, с помощью которых органы расследования вымогали от арестованных признания, а суды выносили заведомо необоснованные приговоры. В силу того, что подавляющее большинство работников НКВД, имевших отношение к делу т.н. антисоветского право-троцкистского блока, были впоследствии расстреляны, исследовать в настоящее время полностью обстановку, в которой проводилось следствие по этому делу, не представляется возможным. Тем не менее, даже те, далеко не исчерпывающие материалы, добытые в процессе проверки, свидетельствуют о грубом произволе и провокациях, в результате которых добывались признания арестованных. Ряд бывших

сотрудников НКВД, допрошенных в ходе проверки, показали о существовании в 1937–1938 гг. такого порядка, когда сам факт помещения подследственного в Лефортовскую тюрьму уже обязывал следователя избивать его. Ночью по кабинетам следователей ходил ЕЖОВ вместе с другими руководящими работниками и лично показывал, как следует «добывать нужные» показания».

Такая картина не могла не произвести нужного впечатления на читателя. Она непроизвольно внушала представление о том, что все вообще арестованные подвергались жестоким избиениям, а протоколы их допросов тотально фальсифицировались. После подобного описания ужасов следствия и суда вполне логичным казался тот вывод, для которого и составлялась 7 июля 1956 года справка по материалам дела антисоветского «право-троцкистского блока»: «Таким образом, в результате анализа всех материалов дела и дополнительной проверки можно утверждать, что большинство из осужденных по настоящему делу лиц в свое время принимало активное участие в оппозиционной борьбе, однако обвинение их в том, что в последующие годы они создали право-троцкистский блок и проводили организованную антисоветскую деятельность, сфальсифицировано и в этой части они подлежат реабилитации».

Между тем примененная здесь для обоснования необходимости реабилитации логика доказывания не выдерживает элементарной проверки. Например, почему оценка, данная практике ведения следствия в НКВД в 1937–1938 годах в целом, применяется для характеристики следствия по конкретному уголовному делу? Почему сведения о широком распространении практики фальсификации уголовных дел в НКВД автоматически экстраполируются на все уголовные дела, на все их материалы?

Конечно, при рассмотрении конкретных уголовных дел необходимо учитывать, что их материалы могли быть сфальсифицированы. Фальсификация уголовных дел — явление весьма распространенное в судебной практике всех стран и всех времен. Но даже если она приобретает массовый характер, это не дает оснований абсолютно все уголовные дела и все их материалы относить априори к этому разряду. Целиком и полностью сфальсифицированных уголовных дел на самом деле мало, чаще всего

подделке подвергаются отдельные наиболее значимые для исхода уголовного дела материалы.

Было бы неразумным считать сфальсифицированными все возбужденные в СССР в период «массовых репрессий» 1936–1938 годов уголовные дела и во всем их объеме. В уголовном деле, заведенном в отношении Бухарина, Рыкова и других лидеров правой оппозиции, скорей всего имела место не полная, а частичная фальсификация материалов. Думается, внимательный, аналитический подход к изучению протоколов допросов, писем и заявлений обвиняемых по этому уголовному делу, их признательных показаний и опровержений выдвинутых против них обвинений позволит отделить правду от лжи, подлинное от фальшивого.

К сожалению, бóльшая часть материалов многотомного уголовного дела Бухарина и его группы до сих остается засекреченной. Не опубликовано и постановление Пленума Верховного Суда СССР (№ 10-88 от 04.02.1988 г.)¹⁰⁵ о реабилитации Бухарина. Данный факт не может не удивлять.

Засекреченность основной массы следственных документов по уголовным делам большевиков-революционеров, поддерживавшаяся в первые десятилетия существования Советского государства, являлась вполне объяснимой. Эти документы показывают просто **ужасающую картину духовного (идеологического и морального) разложения правящего партийного слоя**¹⁰⁶. Сталин и его соратники в

¹⁰⁵ Текст и фотокопия начальной и заключительной (резолютивной) частей этого постановления приведена на стр. 120 и 121 первого номера журнала «Известия ЦК КПСС» за 1989 г., после изложения протеста Генерального прокурора СССР А.М. Рекункова от 21 января 1988 г. по делу Н. И. Бухарина А. И. Рыкова, А. П. Розенгольца, М. А. Чернова, П. П. Буланова, Л. Г. Левина, И. Н. Казакова, В. А. Максимова-Диковского, П. П. Крючкова, Х. Г. Раковского. Данное постановление отменило вынесенные в отношении указанных лиц приговоры военной коллегии Верховного Суда и объявило о прекращении дела «за отсутствием в их действиях состава преступления».

¹⁰⁶ О предельной степени духовного разложения правящего слоя Советского государства свидетельствует множество убедительных фактов. Документом, показывающим этот феномен в самой яркой, символической форме, является составленный 8 апреля 1937 г. список обнаруженного при обысках в помещениях, которые занимал бывший нарком внутренних дел Г.Г. Ягода. См.: Акт об обыске у Ягоды. 8 апреля 1937 г. // Генрих Ягода. Нарком внутренних дел СССР,

руководстве ВКП (б) по целому ряду причин, и прежде всего заботясь о поддержании авторитета социалистической государственности, не хотели, чтобы население СССР знало печальную правду о тех, кто руководил страной. Еще больше они боялись показать истинное лицо лидеров Советского Союза мировой общественности, и в особенности правящим кругам ведущих западных держав, каждая из которых могла при определенном стечении обстоятельств принять участие в военном походе против Советского государства.

Но чем объяснить сохранение засекреченности основной массы следственных документов по уголовным делам большевиков-революционеров во второй половине 1980-х годов и вплоть до настоящего времени?

4

Засекречивание целых собраний важнейших документальных материалов, отражающих в той или иной мере трагедию массовых репрессий 1936–1938 годов в СССР, или просто воспрепятствование различными способами доступа к ним исследователей — факт для Российской Федерации, на первый взгляд, удивительный.

Удивительным данный факт кажется потому, что современная Россия сформировалась как государство, для которого осуждение массовых репрессий, реабилитация жертв репрессивной политики Советского государства и принятие мер, предотвращающих повторение этих эксцессов в будущем составляло и составляет доминанту официальной политической идеологии. Не случайно в числе первых нормативных актов Российской Федерации мы видим принятый 18 октября 1991 года Закон «О реабилитации жертв политических репрессий», впоследствии неоднократно изменявшийся и дополнявшийся¹⁰⁷. Логичным его дополнением стал Указ Президента РФ от 23 июня 1992 года «О снятии ограничительных грифов с законодательных и иных актов, служивших основанием для массовых репрессий и посягательств на права человека». В преамбуле

Генеральный комиссар государственной безопасности. Сборник документов. Казань, 1997. С. 89–93.

* Предыдущие статьи см.: Законодательство. 2017. № 8–12. 2018. № 1–12. 2019. № 1–12. 2020. № 1–2.

¹⁰⁷ См.: СПС «Гарант».

данного указа было объявлено, что он издан с учетом необходимости обеспечения законного права граждан на получение правдивой информации о творившемся произволе для «преодоления его тяжелых последствий и недопущения подобного в будущем»¹⁰⁸.

Казалось бы, после такого заявления процесс рассекречивания документальных материалов о массовых репрессиях должен был идти без особых препятствий и привести к открытию свободного доступа исследователей если не ко всем вообще документам этого рода, то хотя бы к наиболее значимым. Однако этого не произошло. Огромное количество важнейших документов, относящихся к репрессиям 1936–1938 годов, до сих пор остается недоступной исследователям¹⁰⁹.

Рассекречиванию препятствует в значительной мере установленный нормативными актами еще в середине 1990-х годов бюрократический порядок данной процедуры¹¹⁰. Но главной

¹⁰⁸ См.: Там же.

¹⁰⁹ Это прежде всего материалы созданной 23 сентября 1926 г. Комиссии ЦК ВКП (б) по политическим (судебным) делам. Согласно п. 2 Положения об этой комиссии, в нее направлялись местными советскими и партийными организациями обвинительные акты по всем тем делам, которым они придавали общественно-политическое значение или считали необходимым слушать их «в порядке показательных процессов». Не рассекречена в полном объеме переписка Сталина с руководителями НКВД в 1936–1938 гг., которая могла бы дать более обоснованное представление о степени самостоятельности этих лиц. Среди массы документов, написанных Сталиным и присланных Сталину и составляющих опись 11 его личного фонда (№ 588), который хранится в РГАСПИ, к категории официально засекреченных относятся немногим более 30 дел (62, 170, 180, 183, 190–193, 195, 217, 335–337, 347, 422–423, 442, 450–452, 454–459, 493, 500–503, 1557). Они касаются в основном внешней политики. Но засекреченные дела № 170, 180, 183, 190–193 и 195 входят в комплекс документов, приславшихся Сталину из НКВД (дела со 170 по 196). Например, доступное для исследователей дело № 196 содержит присланные Сталину наркомом Н.И. Ежовым компрометирующие материалы на Андреева А.А., Вышинского А.Я., Маленкова Г.М., Поскребышева А.Н. и Хрущева Н.С. Примечательно в связи с этим, что из насчитывающего не меньше ста томов дела Г.М. Маленкова, также хранящегося в РГАСПИ, доступными для исследования являются только восемь томов.

¹¹⁰ Так, решение о рассекречивании архивных документов Правительства СССР, в том и НКВД, принимается не руководством архивов автоматически по истечении сроков засекречивания, а исключительно Межведомственной комиссией по защите государственной тайны или же по ее представлению. См. п. 15–18 «Положения о порядке рассекречивания и продления сроков засекречивания архивных документов Правительства СССР», утвержденного постановлением Правительства РФ от 20 февраля 1995 г. N 170 // СПС «Гарант».

причиной сохранения режима секретности для документов о массовых репрессиях является отсутствие реальной заинтересованности в реконструкции объективной картины этой трагедии как со стороны власть предержащих, так и со стороны общества.

Правда редко бывает приятной, а когда она еще и противоречит давно сложившимся воззрениям и настроениям, то часто воспринимается как настоящее зло.

Массовые репрессии 1936–1938 годов в Советском государстве представляли собой сложнейший исторический феномен, в котором сплелись воедино несколько различных по своей сущности явлений. Все они отчетливо проявились весной и летом 1937 года — в то время, когда разворачивалось следствие по уголовному делу Н.И. Бухарина и других лидеров правой оппозиции.

Для стороннего наблюдателя репрессивная политика сталинского руководства ВКП (б) выглядела чем-то иррациональным — неуправляемой общественной стихией, разрушающей саму коммунистическую партию, молодое Советское государство и социализм как альтернативный вариант общественного развития человечества.

Такой взгляд на массовые репрессии 1936–1938 годов ясно отразил в своем дневнике академик В.И. Вернадский. 4 января 1938 года Владимир Иванович записал: «Сейчас впервые партийцы страдают от грубого и жестокого произвола еще больше, чем страна. Милльоны арестованных. На этой почве, как всегда, масса преступлений и не нужных никому страданий. Говорят о сумасшествии власть имущих. Могут погубить большое дело нового, вносимого в историю человечества»¹¹¹. 1 марта того же года в дневнике появились еще более пессимистические мысли: «Безумцы. — Уничтожают сами то большое, что начали создавать и что, в своей основе, не исчезнет. Но силу государства, в котором интересы масс — во всем их реальном значении (кроме свободы мысли и свободы религиозной) — стоят

¹¹¹ Вернадский В.И. Дневник 1938 г. // Советское общество: возникновение, развитие, исторический финал. Т. 10м От вооруженного восстания в Петрограде до второй сверхдержавы мира / Под общей редакцией Ю.Н. Афанасьева. М., 1997. С. 447.

действительно в основе государства, сейчас сами подрывают... Тревога в том, в здоровом ли уме сейчас власть — беспечная власть, делающая нужное и большое дело, и теперь его разрушающая. Может иметь пагубное значение для всего будущего. Чувство непрочности и огорчения, что разрушение идет не извне, а его производит сама власть»¹¹². 30 июня 1938 года Вернадский занес в дневник следующую запись: «Впервые и кругом чувствуется беспокойство за прочность совершающегося. За этот промежуток все углубляется грозное разъединение государственного механизма. Продолжается самопоедание коммунистов и выдвигание — новых людей: без традиций, желающих власти и земных для себя благ — среди них не видно прочных людей Серго¹¹³. Выдвинутая молодежь в Академии — ниже среднего. Постоянные аресты разрушают жизнь. Seriously говорят — и думают, — что жизнь государственная разрушена НКВД»¹¹⁴.

Репрессивная политика Сталина действительно казалась безумной, но в ней был заключен глубокий внутренний смысл. За внешней бессмысленностью скрывалась истинная направленность репрессий. Репрессивные меры представлялись проявлением произвола со стороны отдельных облеченных властью должностных лиц, а не исполнением заранее продуманного политического плана. Поэтому те, против кого наносился главный удар, не могли осознать, что они обречены на уничтожение, и предпринять какие-либо усилия к объединению и организации сопротивления. Предназначенные к роли жертвы, они охотно становились жестокими палачами, искренними проводниками карательной политики и тем самым сильнее разгоняли каток репрессий, под который в конце концов неминуемо попадали и сами.

Подлинный смысл политики массовых репрессий 1936–1938 годов раскрывается в характере тех общественных групп и группировок, против были направлены карательные меры. С этой точки зрения феномен «сталинских репрессий» представлял собой сочетание по меньшей мере шести политических явлений.

¹¹² Там же. С. 455.

¹¹³ Имеется в виде Григорий Константинович Орджоникидзе (1886–1937), по партийному прозвищу Серго.

¹¹⁴ Там же. С. 459.

Во-первых, это был удар, наносившийся Сталиным и его сторонниками в руководстве ВКП (б) против большевиков-революционеров, занимавших высокие партийные и государственные должности, но не хотевших подчиняться строгому бюрократическому порядку созданного в первой половине 1930-х годов нового Советского государства, не принимавших его общенародного характера с равенством всех перед законом, закрепленного в Конституции СССР 1936 года.

Во-вторых, это была карательная политика, направленная на окончательное подавление партийной оппозиции: троцкистов, зиновьевцев, бухаринцев.

В-третьих, это были превентивные репрессивные меры против аппарата НКВД, служившего орудием массовых репрессий и потому обладавшего огромными полномочиями, для предотвращения его выхода из-под контроля руководства ВКП (б).

В-четвертых, это были превентивные репрессивные меры против заговорщиков в армии, прежде всего среди военачальников, прославившихся в жестокой гражданской войне, — таких как М.И. Тухачевский, И.Е. Якир, Р.П. Эйдеман, И.П. Уборевич и др.

В-пятых, это были репрессии против тех групп населения, которые проявляли себя как враждебно настроенная по отношению к Советскому государству общественная сила, а также против антисоциальных группировок — сообщества лиц, ведущих преступную деятельность и поддерживающих связь с преступной средой. Все эти группы и группировки были перечислены в Оперативном приказе комиссара внутренних дел СССР № 00447 от 30 июля 1937 года¹¹⁵. К ним были отнесены бывшие кулаки, члены антисоветских партий, белогвардейцы, жандармы, каратели, бандиты, грабители, воры-рецидивисты и т.д., скрывшиеся от репрессий и продолжавшие вести активную антисоветскую подрывную и преступную деятельность.

¹¹⁵ Оперативный приказ комиссара внутренних дел СССР № 00447 об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и др. антисоветских элементов. 30 июля 1937 г. // Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. 1937–1938. М., 2004. С. 273–281.

В-шестых, проводившиеся в качестве политической кампании репрессии 1936–1938 годов, как и карательные меры предыдущих времен, обрушились и на лиц, не принадлежавших ни к одной из перечисленных категорий, не представлявших собой никакой угрозы Советскому государству и никаких преступных действий не совершивших. Жертвами репрессий они оказывались не по собственной вине, а по вине других людей — тех, кто писал на них, по разным причинам, клеветнические доносы и тех, кто, опираясь на эти доносы, арестовывал их и приговаривал к уголовным наказаниям, к лишению свободы или даже к расстрелу. Тех, кто физическими и психическими истязаниями добивался от них самооговора, признания в совершении преступлений, которые они в действительности не совершали, и тех, кто ничего не делал, чтобы предотвратить осуждение к уголовным наказаниям невиновных.

Прокурор СССР Вышинский, выражавший, согласно доносам его бывших подчиненных, недовольство тем, что репрессивные меры приняли слишком большой размах¹¹⁶, различал репрессии прежде всего по критерию заинтересованности в них руководства ВКП (б). Бывший председатель Ленинградского областного суда Самуил Гдальевич Чудновский показал на допросе 13 мая 1937 года, будто бывший прокурор Ленинградской области П.П. Пальгов¹¹⁷ рассказывал ему, что «Вышинский официально всегда давал указание на быстрое и жесткое проведение дел по контрреволюции, а вместе с тем ему лично и другим членам организации неоднократно давал указания, ссылаясь на свою центральную практику, проводить следующую линию: по отдельным делам, которыми интересуются высшие партийные инстанции, проявлять себя решительным и умеющим быстро и правильно реагировать. По остальным же делам использовать каждую букву процессуального кодекса, чтобы всячески

¹¹⁶ Об этом, например, свидетельствовал на допросе 9 июня 1938 г. бывший заместитель прокурора СССР Григорий Моисеевич Леплевский (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 376. Л. 122).

¹¹⁷ В ночь с 1-го на 2 марта 1937 г. Павел Петрович Пальгов застрелился, узнав накануне об арестах Бухарина, Рыкова и Ягоды. См.: Записка Народного Комиссара НКВД Н.И. Ежова с приложением телеграммы УНКВД Ленинградской обл. о самоубийстве областного прокурора П.П. Пальгова. 2 марта 1937 г. (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 295. Л. 17-19).

их тормозить и возможно больше воздействовать на смягчение приговоров. О таких же указаниях со стороны ВЫШИНСКОГО мне в конце 1936 года рассказывал и заместитель ПАЛЬГОВА по спецчасти ШПИГЕЛЬ, также участник организации, завербованный ПАЛЬГОВЫМ»¹¹⁸.

Ценность этого свидетельства, безусловно, умаляется тем, что оно было дано арестованным и на допросе. Однако о негативном отношении Вышинского к политическим делам свидетельствовали и другие лица. Так, бывший прокурор Западной области Моисей Никитич Еремин (1893–1940) сообщил в своем заявлении наркому внутренних дел, датированном 10 июля 1938 года, о работе Андрея Януарьевича на должности прокурора РСФСР: «Вышинский и каждый из нас, участников контрреволюционной группы проводили вредительскую работу, беря общий курс совместно с Верхсудом на снижение репрессий»¹¹⁹. При этом арестованный считал необходимым пояснить, **как** эта «вредительская» работа осуществлялась Вышинским, и данные пояснения выглядят вполне достоверными.

«1. В центральной прокуратуре, — рассказал Еремин, — она шла по линии дачи заключений в Кас[ационную] коллегия, добиваясь отмены приговоров по мотивам процессуальных нарушений, недоследованности и снижения меры наказания “за несоответствие содеянного”.

2. Снятие протестов краевых прокуроров на явно вредительские приговоры¹²⁰ областных судов и оставление их без последствий. Если же краевой прокурор поднимал шум, пропускали в Касколлегия, но искали мотивов все же приговор изменить.

3. Переквалификация преступления с политического на уголовное, и, следовательно, снижения меры наказания по приговору

4. Не препятствовать обще-вредительской работе Верхсуда по линии Президиума и Пленума (подробно в моем первом показании), в комиссии по делам частных амнистий проводить линию на освобождение вовсе от наказания или резкого снижения наказания.

¹¹⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 376. Л. 128–129.

¹¹⁹ Заявление Моисея Никитича Еремина. 10 июля 1938 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 376. Л. 116.

¹²⁰ В оригинале — «приговора».

5. И последнее — всячески оберегать, не допуская привлечения к ответственности за вредительство в сельском хозяйстве специалистов и подобные дела сводить к ст.ст. должностного упущения по службе с привлечением к дисциплинарной ответственности»¹²¹.

Подобные доносы на Вышинского, так же как и на других высших должностных лиц, собирались наркомом внутренних дел Н.И. Ежовым и передавались лично И.В. Сталину¹²². Доносчики настойчиво и много раз напоминали Сталину о том, что Вышинский являлся членом фракции меньшевиков в РСДРП и даже входил в ее руководство¹²³ и нередко указывали на те или иные проявления им явного антибольшевизма¹²⁴, но Сталина эти факты никак не трогали

¹²¹ Заявление Моисея Никитича Еремина. 10 июля 1938 г. Л. 117.

¹²² В настоящее время они хранятся среди документов личного фонда секретаря ЦК ВКП (б) И.В. Сталина См.: Записка Ежова Н.И. о материалах секретариата НКВД СССР на Андреева, Вышинского, Маленкова, Поскребышева и Хрущева // РГАСПИ. Ф. 588. Оп. 11. Д. 196. Л. 1–162. Материалы на А.Я. Вышинского занимают в этом деле 27 листов (Л. 105–131).

¹²³ «Я знал, что ВЫШИНСКИЙ с 1903 г. до 1920 г. был активным деятелем партии меньшевиков», — говорил на допросе 9 июня 1938 г. Г.М. Леплевский (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 376. Л. 121). 9 марта 1938 г. студент исторического факультета МГУ Ленков Григорий Павлович, будучи на уроке у преподавателя Станкевича, посвященном борьбе Ленина и Сталина с группой «левых коммунистов», услышал, как один из его товарищей задал вопрос: «Вышинский — это тот самый меньшевик, который вступил к нам в партию в 1922 [году]?». Преподаватель ответил: «Я не знаю, что Вышинский был меньшевиком, надо посмотреть в материалах». Тогда студент, задавший вопрос, продолжил: «Наши ребята говорят об этом уже не в первый раз» и сказал, что «слышал от 4-х человек». На следующий день студент Г.П. Ленков написал заявление в НКВД СССР, в котором сообщил об этом разговоре на уроке в МГУ. См.: Материалы на Вышинского А.Я. // РГАСПИ. Ф. 588. Оп. 11. Д. 196. Л. 124.

¹²⁴ Бывший нарком внутренних дел БССР А.А. Наседкин в своих показаниях на допросе в НКВД 4 марта 1939 г. рассказал, что в середине июня 1917 г. лично слышал, как Вышинский в суде над большевистскими активистами во главе с Овсянниковым яростно клеймил большевиков. По его словам, он выступил «буквально с громовой и блестящей речью». Оговорившись, что всю эту речь за давностью лет воспроизвести невозможно, Наседкин сообщил: «ВЫШИНСКИЙ свою речь свел к тому, что ОВСЯННИКОВ и иже с ним “большевистская сволочь” (это его доподлинные слова) своей “гнусной дезорганизаторской деятельностью и демагогией подрывает устои государственного строя, подрывает революцию, вызывает анархию” и т.д. Надо эту “большевистскую нечисть выжигать каленым железом”, это его были заключительные слова. Он требовал в отношении нас и, особенно, ОВСЯННИКОВА, самого сурового наказания — ареста и проч.» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 376. Л. 103).

– более того, можно уверенно предположить, что **Вышинский был ему полезен не только глубокими познаниями в юриспруденции, но и сокрытым в глубине души антибольшевизмом.**

Большевики-революционеры, или старые большевики, как их тогда называли, поскольку они состояли в большевистской фракции РСДРП еще до революции, представляли собой, пожалуй, самую мощную группировку в правящем слое Советского государства. Для надлежащего юридического оформления репрессий против тех из них, от кого Сталин решил избавиться, ему был необходим на посту прокурора СССР именно такой человек, каким являлся Андрей Януарьевич Вышинский.

В отчетном докладе о работе ЦК ВКП (б) XVII съезду И.В. Сталин называл большевиков-революционеров, использовавших занимаемые ими высокие партийные и государственные должности в личных корыстных интересах, превративших районы, области, города, ведомства, которыми они управляли, в собственные вотчины, «**зазнавшимися вельможами**» и гневно клеймил их за нарушения партийных и советских законов, призывая снимать со своих постов¹²⁵.

Они действительно вели себя как вельможи по отношению к простым людям, пренебрегали элементарными их нуждами¹²⁶. Народ

¹²⁵ «Это люди с известными заслугами в прошлом, – говорил Сталин, – люди, ставшие вельможами, люди, которые считают, что партийные и советские законы писаны не для них, а для дураков. Это те самые люди, которые не считают своей обязанностью исполнять решения партии и правительства и которые разрушают, таким образом, основы партийной и государственной дисциплины. На что они рассчитывают, нарушая партийные и советские законы? Они надеются на то, что Советская власть не решится тронуть их из-за их старых заслуг. Эти зазнавшиеся вельможи думают, что они незаменимы и что они могут безнаказанно нарушать решения руководящих органов» (XVII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). 26 января – 10 февраля 1934 г. Стенографический отчет. М., 1934. С. 34).

¹²⁶ Яркий пример такого поведения «партийных вельмож», превращавших свою должность в инструмент личной наживы и в орудие издевательства над населением, дал И.Д. Кабаков, занимавший с января 1929 г. пост первого секретаря Уральского (с января 1934 г. – Свердловского) обкома ВКП (б). Вместе с другими должностными лицами области он создал настоящую преступную группировку, которая, обложив данью предприятия вверенной ей территории, а также за счет денег, выделявшихся на школы, детские сады, больницы, обеспечивала себе роскошный образ жизни, строила для себя элитные жилые дома, санатории, дачи. Личные дачи строили в заповедных местах за городом по

отвечал им глухим презрением. Сталин знал об этом и надеялся сместить большевистских вельмож с высоких постов не только путем репрессий, но прежде всего посредством альтернативных выборов в представительные органы государственной власти – советы, введение которых предполагалось новой Конституцией СССР¹²⁷ и принятым на ее основе 9 июля 1937 года 4-й сессией ЦИК СССР Положением о выборах в Верховный Совет СССР¹²⁸. Об этом замысле открыто сказал на пленуме ЦК ВКП (б), проходившем с 23 по 29 июня 1937 года, председатель СНК СССР В.М. Молотов. Приведя в своей речи факты неспособности многих профессиональных революционеров, бесменно занимавших руководящие партийные и государственные должности, надлежащим образом выполнять свои функции, он заявил, что в данное время требуется, дабы руководители «умели на места устаревшего хлама, бюрократившейся или очинивничейся группы работников выдвигать новых людей. Нам надо теперь

типу богатых дворянских имений в греческо-итальянском стиле. См. об этом основанную на архивных материалах книгу: Сушков А.В. Империя товарища Кабакова: уральская партноменклатура в 1930-е годы. Екатеринбург, 2019. В мае 1937 года И.Д. Кабаков и его подельники из партийно-государственной номенклатуры были арестованы и в октябре осуждены за контрреволюционную деятельность и расстреляны. После XX съезда КПСС они, как и тысячи других номенклатурных воров и взяточников, были зачислены в категорию безвинно пострадавших жертв политических репрессий и реабилитированы.

¹²⁷ В ст. 141 Конституции СССР 1936 г. провозглашалось, что «кандидаты при выборах выставляются по избирательным округам. Право выставления кандидатов обеспечивается за общественными организациями и обществами трудящихся: коммунистическими, партийными организациями, профессиональными союзами, кооперативами, организациями молодежи, культурными обществами» (Конституция (основной закон) Союза Советских Социалистических Республик. М., 1937. С. 33). Член ЦК ВКП (б) Я.А. Яковлев, выступая 27 июня 1937 г. на Пленуме ЦК с докладом о новом избирательном законе, дал следующий комментарий к статье 141 Конституции СССР: «Эта статья имеет огромное значение, она внесена по предложению товарища Сталина. Ее цель – развить, расширить демократию... Эта статья обеспечивает подлинный демократизм на выборах в советы. На окружные избирательные комиссии возлагается обязанность зарегистрировать и внести в избирательный бюллетень по соответствующему округу всех без исключения кандидатов в Верховный Совет СССР, которые выставлены общественными организациями и обществами трудящихся» (цит. по: Жуков Ю.Н. Иной Сталин. Политические реформы в СССР в 1933–1937 гг. М., 2005. С. 423. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 616. Л. 5–6).

¹²⁸ См.: ст. 56 и 107 данного положения. Положение о выборах в Верховный Совет СССР // Социалистическая законность. 1937. № 8. С. 5, 7.

добиться того, чтобы мы теперь выдвинули такие кадры людей в советы, высшие и местные органы советов, которые в соответствии с основными требованиями теперешнего момента твердо, последовательно, разумно, со знанием дела будут проводить политику партии на своем месте»¹²⁹.

О том, что эти слова не просто были лозунгом момента, а выражали реально проводившуюся на практике политику, свидетельствовали оглашенные в первый день работы июньского Пленума два предложения Политбюро. Суть первого состояла в том, чтобы выразить «политическое недоверие» и вывести из членов и кандидатов в члены ЦК 6 человек: председателя СНК РСФСР Д.Е. Сулимова, наркома легкой промышленности И.Е. Любимова и др. Второе предложение Политбюро, зачитанное наркомом внутренних дел Ежовым, ставило перед Пленумом вопрос о выводе из состава членов и кандидатов в члены ЦК и из партии «за измену партии и родине и активную контрреволюционную деятельность» 19 человек: председателя Комиссии советского контроля, заместителя председателя СНК СССР Н.К. Антипова, заместителя заведующего агитпропа В.Г. Кнорина, первых секретарей – Крымского обкома Л.Н. Лаврентьева, Восточно-Сибирского крайкома И.П. Румянцева, Курского обкома Б.П. Шеболдаева и др. При этом было предложено передать дело о лицах, обвиненных в столь тяжком преступлении в Наркомат внутренних дел¹³⁰.

Партийные секретари страшились альтернативных выборов в советы. Чтобы не допустить их проведения, они стали настойчиво внушать членам ЦК мнение о том, что через эти выборы в органы государственной власти проберутся враги. Секретарь Западно-Сибирского краевого комитета партии Р.И. Эйхе говорил в речи на февральско-мартовском пленуме ЦК ВКП (б) 1937 года: «В каждом районе имеются заброшенные глухие села и в каждом городе есть

¹²⁹ Цит. по: Жуков Ю.Н. Указ соч. С. 430. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 616. Л. 187–188.

¹³⁰ Из постановления пленума ЦК ВКП (б) об исключении членов и кандидатов в члены ЦК ВКП (б) из руководящих органов партии. 1 июля 1937 г. // Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. С. 233.

заброшенные глухие участки. Это нам ярко показала всесоюзная перепись, когда пришлось обойти каждое село, каждый участок. Там мы вскрыли наибольшее количество отсталых настроений, наибольшее количество враждебных настроений, да иначе и быть не могло, потому что враг, прежде всего, окапывается в таких глухих уголках. Во время избирательной борьбы мы столкнемся с попытками врага из этих отсталых глухих уголков повести свою атаку против нас, организовать борьбу против нас. Нужно так перестроить нашу политическую работу, чтобы не было этих глухих забытых сел и глухих забытых участков... Кроме того, враг во время выборной борьбы будет пытаться использовать каждый наш промах. Он будет обращать свои взоры на каждый наш недостаток, чтобы дискредитировать того или другого кандидата»¹³¹.

Подобное мнение Р.И. Эйхе высказал и во время июньского пленума ЦК ВКП (б) и, по всей видимости, был чрезвычайно настойчив. В результате 28 июня 1937 года Политбюро приняло постановление о вскрытой в Западной Сибири «повстанческой» организации среди высланных кулаков, в котором предписывалось: «1. Считать необходимым в отношении всех активистов повстанческой организации среди высланных кулаков применить высшую меру наказания. 2. Для ускоренного рассмотрения дел создать тройку в составе нач. УНКВД по Зап. Сибири т. Миронова (председатель), прокурора по Зап. Сибири т. Баркова и секретаря Запсибкрайкома т. Эйхе»¹³².

1 июля 1937 года на прием к Сталину и Молотову пришли один за другим первый секретарь ЦК КП (б) Азербайджана и четыре первых секретаря партийных комитетов крайкомов и обкомов¹³³. 2 июля —

¹³¹ Материалы февральско-мартовского пленума ЦК ВКП (б) 1937 года. 27 февраля 1937 года. Утреннее заседание // Вопросы истории. 1993. № 6. С. 5.

¹³² Постановление Политбюро ЦК ВКП (б) о вскрытой в Западной Сибири «повстанческой» организации среди высланных кулаков. 28 июня 1937 г. // Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. С. 232.

¹³³ Дальне-Восточного крайкома ВКП (б) — И.М. Варейкис, Саратовского — А.И. Криницкий, Горьковского обкома — А.Я. Столяр, Сталинградского — Б.А. Семенов.

еще четыре секретаря¹³⁴. Беседа с каждым из них заняла от получаса до часа, лишь Варейкис разговаривал два часа.

О чем шел разговор можно догадаться по содержанию изданного 2 июля 1937 года нового постановления Политбюро ЦК ВКП (б), на основании которого секретарям обкомов, крайкомов, ЦК нацкомпартий была направлена следующая телеграмма: «Замечено, что большая часть бывших кулаков и уголовников, высланных одно время из разных областей в северные и сибирские районы, а потом по истечении срока высылки, вернувшись в свои области, — являются главными зачинщиками всякого рода антисоветских и диверсионных преступлений, как в колхозах и совхозах, так и на транспорте и в некоторых областях промышленности. ЦК ВКП(б) предлагает всем секретарям областных и краевых организаций и всем областным, краевым и республиканским представителям НКВД взять на учет всех возвратившихся на родину кулаков и уголовников с тем, чтобы наиболее враждебные из них были немедленно арестованы и были расстреляны в порядке административного проведения их дел через тройки, а остальные менее активные, но все же враждебные элементы были бы переписаны и высланы в районы по указанию НКВД. ЦК ВКП(б) предлагает в пятидневный срок представить в ЦК состав троек, а также количество подлежащих расстрелу, равно как и количество подлежащих высылке»¹³⁵.

Получив данную телеграмму, первые секретари партийных организаций республик, краев и областей довольно быстро сформировали «тройки» для осуществления репрессий на вверенных им территориях страны и представили их состав вместе с количеством лиц, подлежащих, по их мнению, расстрелу и высылке, в Политбюро ЦК ВКП (б). Любопытно, что раньше всех прислали в Москву эти страшные документы первые секретари местных партийных комитетов, побывавшие в кабинете Сталина 1 и 2 июля 1937 года¹³⁶.

¹³⁴ Первый секретарь ЦК КП (б) Киргизии — М.К. Аммосов, Северного крайкома — Д.А. Конторин, Омского обкома — Д.А. Булатов, Харьковского — Н.Ф. Гикало.

¹³⁵ Постановление Политбюро ЦК ВКП (б) об «антисоветских элементах». 2 июля 1937 г. // Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. С. 234–235.

¹³⁶ Ю.Н. Жуков назвал имена шести таких партийных функционеров: Варейкис, Криницкий, Багиров, Столяр, Семенов и Булатов. См.: Жуков Ю.Н. Указ. соч.

6 июля 1937 года в газете «Правда» появилась резолюция собрания партийного актива Московской организации ВКП (б) по докладу Н.С. Хрущева. В ней партийные функционеры предельно откровенно заявляли о своей позиции: **необходимым условием проведения предусмотренных новой Конституцией СССР выборов в советы является уничтожение врагов народа.** «Каждый партийный и непартийный большевик должен помнить, — говорилось в резолюции, — что враги народа, подонки разбитых эксплуататорских классов — японо-германские фашистские агенты, троцкисты, зиновьевцы, правые — эти шпионы, диверсанты и убийцы будут всячески пытаться использовать выборы для вражеских контрреволюционных целей. Собрание партийного актива подчеркивает, что разоблачение, выкорчевывание и разгром всех врагов народа являются важнейшим условием успешного проведения выборов в Советы, осуществления Сталинской Конституции и дальнейшего победоносного продвижения нашей страны к коммунизму»¹³⁷.

7 июля 1937 года открылась IV сессия ЦИК СССР VII созыва, призванная рассмотреть проект Положения о выборах в Верховный Совет СССР. С докладом о нем выступил Я.А. Яковлев. «Предлагаемый проектом Избирательного закона порядок регистрации кандидатов, — подчеркнул он своей речи, — имеет целью облегчить и упростить общественным организациям и обществам трудящихся выставление своих кандидатов»¹³⁸. Главная

С. 438.

¹³⁷ Об итогах Июньского пленума ЦК ВКП (б). Резолюция собрания партийного актива Московской организации ВКП(б) по докладу тов. Н.С. Хрущева / Правда. 1937. № 184 (7150). 6 июля. С. 2. 8 июля подобную резолюцию приняло и общегородское собрание партийного актива Ленинградской организации ВКП (б). В ней заявлялось: «Боевая задача Ленинградской партийной организации заключается в том, чтобы выкорчевать до конца из партийных, советских, профсоюзных и комсомольских организаций вредителей, шпионов, контрреволюционных троцкистско-зиновьевско-бухаринских выродков и поставить на все участки работы преданных делу социализма воинствующих партийных и беспартийных большевиков, верных сынов партии и своей родины» (Правда. 1937. № 186 (7152). 8 июля. С. 4).

¹³⁸ Правда. 1937. № 186 (7152). 8 июля. С. 2.

мысль доклада Яковлева выражалась в названии пятой, заключительной его части — «О выдвижении новых кадров».

А.Я. Вышинский выступил на тему «Новый избирательный закон и социалистическая законность». После принятия руководством ВКП (б) решения о создании в республиках, краях и областях для бессудной расправы над теми, кто зачислялся в категорию «врагов народа», так называемых «троек», в каждую из которых входили руководитель местной партийной организации, начальник УНКВД и прокурор, речь прокурора СССР прозвучала некоторым даже вызовом этой бессудной репрессивной политике. «Стабильность закона, — сказал Андрей Януарьевич, — требует единообразия и единого понимания законности. Противниками этой законности до сих пор продолжают оставаться “местные влияния”, о которых Ленин писал, как об одном из величайших препятствий к установлению законности и культурности. Надо признать, что в практике у нас до сих пор встречаются грубые нарушения советских законов. Тов. Яковлев вчера приводил примеры нарушения законов со стороны Советов, а я добавляю: при явном, очень часто, к сожалению, бездействию и попустительстве со стороны местных прокуроров»¹³⁹.

Вышинский как будто ничего не знал о «тройках», которые в скором времени должны были покрыть всю страну. Он привел в своей речи целый ряд примеров грубейших нарушений законности на местах и заговорил в связи с этим о задачах прокуратуры. «Новый избирательный закон, — подчеркнул он, — возлагает на наш суд и прокуратуру ответственнейшие обязанности. Советская прокуратура является представителем советского государства в борьбе за социалистическую законность. Ее задача — не оставлять безнаказанным, без преследования ни одного нарушения интересов государства и прав трудящихся... Задача прокуратуры — беспощадно бороться со всякого рода нарушителями советских законов, со всеми и всяческими врагами социалистического государства и дела социализма»¹⁴⁰. «Борьба за советскую дисциплину, составляющую один из важнейших элементов социалистической законности, за

¹³⁹ Вышинский А.Я. Новый избирательный закон и социалистическая законность // Социалистическая законность. 1937. № 8. С. 21.

¹⁴⁰ Там же. С. 22.

социалистическую законность в целом, — провозгласил прокурор СССР, — составляет, особенно в настоящее время, величайшую задачу социалистического строительства»¹⁴¹.

Вышинский не мог в этой речи обойти вопроса о врагах, но он и здесь высказался довольно необычно. «Советская прокуратура, — заявил он, — должна наносить беспощадные и меткие удары по всем врагам, подрывающим советские порядки и самую основу социалистического государства — общественную социалистическую собственность, по всем предателям, изменникам и агентам фашистских иностранных разведок, не прекращающих своей борьбы против СССР»¹⁴². Перечень врагов, который привел в своей речи Вышинский, был значительно меньше, нежели тот, который составили партийные секретари. В этом перечне отсутствовали такие «классовые враги», как белогвардейцы, священники, кулаки, которых партийные функционеры считали главными для себя противниками. Прокурор СССР сказал о необходимости вести борьбу **лишь с врагами советского социалистического государства.**

9 июля 1937 года IV сессия ЦИК СССР VII созыва единодушно утвердила Положение о выборах в Верховный совет СССР. На следующий день появились первые постановления Политбюро об утверждении состава «троек» и количества подлежащих репрессиям посредством этих чрезвычайных органов. Это были постановления о «тройках» по Азово-Черноморскому краю¹⁴³, по Дальневосточному краю¹⁴⁴, по Азербайджанской ССР¹⁴⁵ и по Северо-Казахстанской области¹⁴⁶.

¹⁴¹ Там же. С. 23.

¹⁴² Там же.

¹⁴³ В нем утверждалось к расстрелу: кулаков — 5721 чел., уголовников — 923 чел., к высылке: кулаков — 5914 чел., уголовников — 1048 чел. В конце постановления говорилось: «Разрешить рассмотрение во внесудебном порядке дел о диверсионно-шпионской вылазке на уборке хлеба с применением расстрела» (Из постановления «Об антисоветских элементах». 10 июля 1937 г. // Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. С. 241).

¹⁴⁴ К расстрелу — 3017 чел. и высылке — 3681 чел. (Там же).

¹⁴⁵ К расстрелу: кулаков — 500 чел., уголовников — 500 чел., к высылке: кулаков — 1300 чел., уголовников — 1700 чел. (Там же)

¹⁴⁶ К расстрелу — 658 чел. и высылке — 310 чел. (Там же. С. 242).

По состоянию на 11 июля 1937 года в Политбюро для утверждения поступили документы от 43-х первых секретарей партийных организаций республик, краев и областей. И в каждом таком послании наряду с предложениями по составу «троек» содержались цифры, определявшие количество людей, которых партийные чинуши считали необходимым подвести под расстрел и высылку. Но 28 первых секретарей почему-то не поспешили брать на себя осуществление столь разнузданной репрессивной политики.

А 30 июля 1937 года был издан документ, который считается историками главным актом, запустившем маховик массовых репрессий. Он назывался «Оперативный приказ народного комиссара внутренних дел Союза ССР № 00447 об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов»¹⁴⁷. Советское государство вступило в самый загадочный и судьбоносный период своей истории.

¹⁴⁷ Полный его текст см. в издании: Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. С. 273–281.